

Игорь Кириллов

На подмостках судьбы

(роман в стихах)

Игорь Кириллов

На подмостках судьбы

(роман в стихах)

2024

Игорь Кириллов

На подмостках судьбы (роман в стихах). – 2024. – 240 с.

Что такое Север? Что он делает с человеческой душой, характером и мировосприятием? Поиск ответов на эти вопросы - лейт-мотив творчества Игоря Кириллова.

Его поэмы захватывают своей оригинальностью и неожиданным поворотом сюжета.

Для ценителей поэзии, совмещающей в себе юмор и лирику, поиск самоопределения и смысла жизни.

Для всех кто помнит и любит ...

Оглавление

Глава 1. Простая история.....	5
Глава 2. Постодиссея, или Пенелопа, которая дождалась».....	31
Глава 3. Гомерчик.....	79
Глава 4. Сочинения господина Гомерчика.....	91
Глава 5. Жизнь быстротечна.....	141
Глава 6. Из записных книжек автора.....	169

Искал он малое в большом, а отыскал

Большое в малом...

Глава I

Простая история

Ночь. Юная луна. Весёленький прибой.
Вы, верно, догадались – берег моря.
Он и она о чём-то громко спорят,
Но спор внезапно гаснет сам собой –
И всё венчает долгий поцелуй.
Так хорошо, что море затихает.
Вокруг всё в сладкой дрёме замирает.
Дорожка лунная играет белизной.
«Стоп! Снято!» –
Возвещает режиссёр.

Весь день творил он новую реальность.
Трансцендентальность в ней была,
Своя тональность,
Шёл о возвышенном неспешный разговор.
И камера работала «в упор»,
Снимали очень много крупных планов.
Потом, увы, отыщутся изъяны...
Он это знал, но вновь кричал: «Мотор!».
Затем был шашлычок с дымком, костёр.

Вино сухое. Хрупок мир подлунный.
И всё опять венчалось поцелуем
Под сенью древних и суровых гор.
Что было дальше? Дальше был восторг
Как результат изысканных прелюдий.
«Что тут поделывать? Все мы только люди, –
Подумал, засыпая, режиссёр.
А утром он отчаянно искал
Возвышенное, трепетное что-то –
Такая у него была работа.
Прекрасной сказки требовал финал.

Она – актриса для вторых ролей,
«Мисс обаяние», «Царица эпизода»,
Почетный приз: «Любимица народа».
Так – вспышки яркие на фоне серых дней.
Конечно же, ей надо быть умней.
Да, в нашей жизни всё решает случай.
Вот и сейчас, похоже, шанс упущен...
Ну, что ещё вам рассказать о ней?

Нет, не москвичка, впрочем, как и он.
Лимитчица – и это в жизни было.
Был первый брак и первый муж – постылый,
Соседок ненависть, посуды битой звон.
Бежала босиком и по стеклу,
И мало что сама соображала.
Сквозь грязные буфеты на вокзалах
Бежала к свету и рвалась к теплу.
И вот, как ей казалось, прорвалась.
Пришло признание и роли со словами,
Квартирка и сервантик со слонами.
И жизнь, как говорится, удалась.
А тут на юге к ней пришла любовь.
Вначале ей казалось – «показалось».
Когда ж на самом деле оказалось,
От злых предчувствий стыла в жилах кровь.
Он, как и всем, ей руку пожимал,
Был холоден, излишне строг,
Для вида.
А в ней бродили ревность и обида, –

Что было делать? Кто бы подсказал.
Но съемки кончились. Спасительный вокзал.
И прочь её уносит скорый поезд.
А мы лишь начинаем нашу повесть.
Не ведом даже нам её финал.

Нельзя сказать, чтоб он её забыл.
Её он не запомнил – так точнее.
Был эпизод, ну что тут скажешь, – был.
Так пусть теперь повесится на шею
И предъявлять права свои начнёт
На жизнь его, да что там – на свободу.
Жизнь не туда куда-то потечёт
Традициям каким-то там в угоду.
Нет, надо постараться избежать
Её признаний, слёз, немых упрёков.
Нет, этим голову не надо забивать.
Пусть лучше так. Жестоко?
Да, жестоко.
Да и потом – Москва, свои дела.

Они не ждут. Ведь нужно сдать картину.
А есть ещё ведь Летний сад, куртины
И Ленинград, другая здесь жила.
Он говорил какие-то слова,
Жестикулировал и выглядел картинно.
Она была беспечна и наивна, мила.
О, да! Кружилась голова.

Вот скорый поезд «Красная стрела»
Несётся в ночь, так наша жизнь несётся.
Никто из нас назад не обернётся,
Вниз не смотреть, а вдруг там – голова.
И каждый раз, ступая на карниз
(Нам бы нащупать три заветных точки),
Ползём к вершине. Каждый знает точно,
Сорвавшись, ты летишь отвесно вниз.
Движениям тут лишним места нет,
Страховка сверху – лучшая страховка.
Когда талант помножен на сноровку,
То не растратишь зря десятки лет.

А там, глядишь, просторный кабинет,
Есть дача и квартира с обстановкой.
И мчишься ты вперёд без остановки,
Но вот куда? Увы, большой секрет.
Ответа на вопрос коварный нет.
И как же быть? Тут каждый сам решает.
Возможно, кто-то что-то и узнает,
Но это всё – потом, на склоне лет.

Всё это так, а что же наш герой?
Успешен он – картина едет в Канны.
Уж новые его терзают планы.
Жужжит вокруг него столичный рой.
Куда-то без конца его зовут,
Настойчиво куда-то приглашают,
Всё хвалят без конца, всё величают.
Он нужен там, необходим он тут.
Не отыскать ему и двух минут,
Чтоб постоять, подумать, оглянуться,
Да от ненужной встречи увернуться.

А все его зовут, зовут, зовут...

Всё это очень нравится ему.

Все эти пикники и рестораны,

А как же?

Ведь картина едет в Канны –

Дань уважения таланту и уму.

Он видел, как взойдёт на пьедестал.

Но шутки шутит матушка природа:

Приз в Каннах – ей, «Царице эпизода»,

Ей рукоплещет восхищённый зал.

А он лишь упомянут кое-где.

И то в связи с её игрой блестящей.

Писали о большом и настоящем,

О восходящей, кажется, звезде.

Он ничего уже не понимал,

Ведь мастер – он, она же просто глина.

Но на неё обрушилась лавина

Звонков приветственных

И телеграммный шквал.

И даже самый главный
Так сказал,
Упомянув «Царицу эпизода»:
«Она же здесь любимица народа,
Вот потому-то там и правит бал».

Да, этот неожиданный успех
Герой наш пережил
Довольно остро.
Что сделал он?
Да он напился просто –
И матом обложил публично всех.
Так, что ещё тогда он натворил?
На грудь он принял
Больше килограмма,
Потом разбил витрину,
Вспомнив маму,
Потом швейцара местного
Избил.
Но после извинился, заплатил.

Полицией тогда задержан не был.
И вот над ним опять
Родное небо.
И хладный блеск отеческий могил,
Раздавлен и с позором изгнан,
Смят.
Уволен, так сказать, с билетом волчьим.
А лучший друг кричал,
Как можно громче, везде кричал:
Во всём мол, виноват.
Он допустил, да нет, он преступил
Не что-нибудь, черту – черту закона.
Его за это следовало б в зону.
И пусть бы потрудился, искупил.
Но к другу не прислушались, учли
Тот факт, что он известен за границе.
И вот, чтоб перед нею не срамиться,
С ним очень даже мягко обошлись.
Но всё же из профессии «ушли».
И был столичной он лишён прописки.

Так получалось – путь лежал не близкий.

Куда? Туда, на самый край земли.

А где же он, заветный этот край?

То место, где с улыбкой привечают,

Куда от поражений убегают,

Где предлагают: снова начинай!

Там что? Лежит таинственный хребет,

А в реках – золотые самородки?

Там, что же, ждут чудесные находки,

Восторгами окрашенный рассвет?

Всё это – миф, скорее, полный бред.

И можешь ты бродить хоть сотню лет –

Не отыскать земли обетованной,

Как в песне, и любимой, и желанной.

Такой земли на этом свете нет.

Домой он попрощаться заскочил.

Присел, взгрустнул у обелисков скорбных.

И в прошлое ушли куда-то споры,

Он ничего в тот вечер не решил.
А как же быть? Да как – поел котлет,
Домашних, с первоклассным самогоном,
Расслабился, уснул.
Герой наш – дома.
На всём здесь рук отцовских добрый след.
И вот он спит,
Укутан в старый плед...
Такое никогда не повторится.
Наверное, ему столица снится...
Решил он что-нибудь? Пожалуй, нет.
Не станем мы ему надоедать
И задавать ненужные вопросы.
Всё у него непросто, ох непросто.
Ему судить, решать и выбирать.

А между тем наш пыльный городок
Тащился по стезе провинциальной.
Одна из улиц здесь была Центральной,
На остальных тут жили, кто как мог.

Над городом висел косматый смог,
Вовсю заводы местные старались.
У проходной здесь судьбы начинались,
Здесь подводился дням земным итог.
Вот он стоит огромный наш завод –
Краса и гордость древнего Урала.
Здесь можно было всё начать сначала...
Но на завод герой наш не пойдёт.
Не для него сценарный этот ход
И песня «про родную проходную».
Ещё есть та, что любит и ревнует.
И ждёт его –
Давно, однако, ждёт.
А дальше телеграмма, перелёт.
Аэропорт, волнительная встреча.
Торжественный, как говорится, вечер.
И вот он с ней живёт, он у неё живёт.

Ах, Ленинград, изящный Ленинград.
Дворцы, мосты и свой особый говор.

На всём царя Петра тяжёлый взгляд
Лежит неоспоримым приговором.
Пусть Петроград, пусть даже Ленинград –
Всегда на всём тяжёлый этот взгляд.
Для вольности здесь путь всегда один:
От площади Сенатской – в рavelин.
Того, кто это сразу не поймёт,
Здесь ничего хорошего не ждёт.

А наш герой? Он сладко ест и пьёт.
Тесть у него – известный академик,
И теща что-то там преподаёт.
В семье всё славно, очень много денег,
И чинно всё само собой идёт.
Свой уровень, особый сорт людей.
Конечно – связи. Как же жить без связей?
Здесь всё известно – кто кому обязан
Удачей и карьерою своей.
Здесь ценят ум. А как же без него?
Коль нет ума, и связи не помогут.

А наш герой? Он здесь известен многим.

Есть и враги. Увы, не без того.

Да и потом он, строго говоря,

Пусть хоть и под негласным,

Но надзором.

Фиксируются споры, разговоры,

И нет пути за дальние моря.

Не то чтобы он стал «невыездной»,

Но как сказал тогда товарищ Первый:

Мол, пусть пока живёт в стране родной

И никому не действует на нервы.

Но трудно управлять порой звездой,

Труднее во сто крат звездой опальной.

Не в силах звёзды властвовать собой,

Последствия, увы, порой печальны.

Но это так – заметки на полях.

А наш герой?

Ни в чём он не замечен.

Живёт легко, он счастлив, он беспечен.

Он гость желанный в питерских домах.
В вольнолюбивых здешних головах
Отчаянно кипят и зреют планы.
Их авторы порой бывают пьяны,
И мысли выливаются в слова.
Запишут их потом в один присест –
Очередной родится манифест.
Именовалось это всё борьбой:
С системой, с КГБ, с самим собой,
И, как велели время и судьба,
Всяк из себя выдавливал раба.
Да, с той поры немало лет пройдёт –
И рухнет надоевшая система,
Но раб в душе по-прежнему живёт.
Живёт – ему и море по колено.
А бывшие герои и борцы?
Во власть они отчаянно вцепились –
И в деспотов тотчас переродились,
Взяв, как коня, свободу под уздцы.
Ну, что тут скажешь? Браво, молодцы!

А верно, ведь кому-то нужно править,
А мы должны их лишь усердно славить –
Так завещали деды и отцы.

Я повторюсь – немало лет пройдёт,
Но это время всё-таки придёт.
Но этого тогда не знал народ,
Он был спокоен, словно сытый год.
А кстати, вот вопрос:
Что есть народ?
Уж, что поесть, народ
всегда отыщет.
А что он есть?
Чем в самом деле, дышит?
Чего желает он и чем живёт?
Вот говорят, что он, мол, много пьёт.
Что тут ответишь? С кем же не бывает?
Но план дает, и дело туго знает,
Он хлеб растит, чугун упорно льёт.
Тут некий диалог произошёл

У нашего героя с мудрой тещей,
Она всё призывала быть попроще,
А речь её была ну чистый шёлк:
«Зять дорогой, скажу тебе, как мать:
Нельзя нам от народа отставать!»
Воспринял зять сей пламенный посыл
И теще ничего не возразил.
Да и на что тут, право, возражать?
«Нельзя нам от народа отставать...»

(внутренний монолог героя)

«Нельзя нам от народа отставать?
Мы в нём должны всё время оставаться.
С ним есть и пить, и где-то тусоваться.
И вместе с ним чего-то очень ждать.
Надеяться:
Вот-вот оно придёт.
Большое и надёжное, к тому же.
Мы с ним преодолеем зной и стужу.
Всё будет так, а не наоборот.

Народ всё знает, никогда не врёт.
Он точно знает, что нам есть на ужин.
Кто, почему, когда и сколько пьёт.
За пояс всех он умников заткнёт,
Всех мудрецов в одной утопит луже.
Он наша сила, наше он оружие.
Тот, кто с народом, тот не пропадёт.
Вот и живи, воды набравши в рот,
Язык засунь куда-нибудь поглубже –
И станешь самым важным,
Самым нужным.
И слава громкая тебя вот-вот найдёт.
Но как-то раз, закончив гимны петь,
Ты в зеркало захочешь посмотреть.
Но облик свой привычный не найдёшь.
И что случилось, сразу не поймёшь.
И проживёшь потом ты много лет,
Но не сумеешь свой найти портрет.
Гордись и знай – сбылись твои мечты!
В своём народе растворился ты».

Однажды он сбежал. Куда бегут?
Не знаю, кто куда, а он в Сургут.
Обычно было всё наоборот,
И все, как правило, бежали из Сургута.
Кому-то удавалось, а кому-то
Пришлось погибнуть в толще тёмных вод.
Случалось – замерзали беглецы.
На тракте из кошёвок выпадали,
Но всё равно бежали и бежали...
Рвались к свободе вольности гонцы.
Всем в Петербург хотелось, в Петроград,
А вот теперь – обратно побежали.
Что здесь искали? Там что потеряли?
Чего хотели? Славы ли, наград?

Неведомым Сургут к себе манил,
Притягивал упорных и азартных.
Он их дразнил, он завлекал их фартом.
Как несмышлёнышей,
Он за нос всех водил.

Нет, ничего он им не обещал.
(Пожалуй, неуместны здесь упрёки).
Он лишь многозначительно молчал.
Молчал и делал робкие намёки.
Он намекал: возможно, нефть найдут,
Возможно, нефти будет очень много.
Не торопил события Сургут,
Встречал он неприветливо и строго.
Что ж, мудрости
Ему не занимать.
Всё одному ему
И думать, и решать.
Но вот – все предсказания сбылись,
И нефтяные рыкнули фонтаны.
И стал Сургут землёй обетованной.
Здесь этажи домов рванули ввысь.
Не скоро, но над Обью вознеслись
Мосты во всей своей красе и силе.
Здесь создавали новую Россию.
И новую пытались строить жизнь.

И думал так тогда любой из нас.
Проблемы разрубали мы любые.
И шёл на Запад наш сибирский газ,
Вставали по урманам буровые.

А наш герой не просто так сбежал,
Хотя и был он парнем бесшабашным.
В Сургут он ехал за деньгами
«На шабашку».

Театр новый жить тут начинал.
Был очень срочно нужен режиссёр,
Умевший мыслить веско и с размахом,
Такой, чтоб сразу всех заставил ахнуть.

И ставили отнюдь не «Трёх сестёр».
Что ставили – отдельный разговор.

Он как-то состоялся ночью поздней.

Был стол накрыт, в речах сквозил задор,
Но было всё весомо и серьёзно.

О чём же пьеса?

Как о чём? О нас.

И автор тут, его зовут Гомерчик.
И пусть он скромн, тих и недоверчив –
Рука его тверда и верен глаз.
Ну и конечно, пьеса про любовь.
А кто же героиня?
Иностранка.
Что? Сцены, от которых стынет кровь?
Что? Жизни западной позорная изнанка?
Да нет, здесь ничего такого нет.
Тут люди ищут, борются, страдают.
Да, временами зло здесь побеждает,
Но виден свет, в конце тоннеля – свет.
И разговор вдруг вспыхнул, как костёр,
И становились огненными речи –
Могла бы бесконечно длиться встреча,
Но в дело тут вмешался режиссёр:
– Друзья мои, уж близится рассвет.
Пора, как говорится, закругляться.
Нам нужно за работу дружно браться,
Пройти путём дерзаний и побед.

И вот премьера.

Зал набит битком.

Комиссия приехала из центра.

В комиссии – профком, горком, обком.

Ну и она – как самый главный цензор.

Она? Та самая?

Узнать-то нелегко.

«Мисс обаяние», «Царица эпизода»,

По-прежнему любимица народа.

Да только как взлетела высоко.

Победа в Каннах многое дала:

Награды, звания,

В ЦК её избрали.

Представили, где надо, подсказали.

О, как чудны, судьба, твои дела!

А между тем по-прежнему мила,

Она блистает, но холодным блеском.

И всё-то в ней уместно, всё на месте.

И многих, говорят, свела с ума.

Но вот уже и пьеса началась

(На сцене сад и мраморный бассейн).

Про то, как Пенелопа дождалась

Бродягу и прохожу Одиссея.

Глава II

Постодиссея,

или

Пенелопа, которая дождалась

Действующие лица:

Одиссей – царь, властелин острова Итака, участник Троянской войны. Не был дома тридцать лет.

Пенелопа – его жена.

Телемах – сын.

Старший бог и **Младший бог** – двое из сонма богов

Ветераны – соратники Одиссея, также участники Троянской войны.

Служанки во дворце, **солдаты**

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина первая

Царские покои (Залы, мраморные колонны, дубовые двери.

Всё очень достойно). Пенелопа и служанка.

Пенелопа

Что царь?

Служанка

Ещё он крепко спит. Вчера был бой,

И он устал, наверно.

Пенелопа

Да, после драки той

Он шлялся по тавернам

И щедро угощал. Стал знаменит.

С полдюжины уродливых скотов

Его внесли домой лишь утром ранним.

Служанка

Царица, это были ветераны.

Все из числа прославленных бойцов.

Они в походах проливали кровь,

И в них они свою снискали славу.

Пенелопа

Все это так, но кто же дал им право

Вломиться под священный царский кров?

Вон в зале улеглись, лежат в саду...

Храпят, смердят

И стоны выпускают.

И царь хорош. Всё к битвам призывает.

Орёт во сне. Нет, я с ума сойду...

Я этого ждала так много лет?

Я к этому безудержно стремилась?

А что ему? Едва домой явился,

Напился –

А меня как будто нет!

(занавес)

Картина вторая

Те же и Одиссей

Голос царя из глубины

Эй, кто-нибудь!

Подайте мне вина!

Покрепче,

Чтоб всё было без обмана...

(Увидел царицу. С удивлением)

Тут женщина. Ты кто?

Пенелопа

Твоя жена.

Одиссей

Моя жена? Звучит довольно странно.

Нет, всё ты врешь. Нас жены дома ждут.

А это что? Мой дом? Моя Итака?

Да это же кабак. Здесь пьют и жрут.

(Попутный ветер ждут. Обнять и плакать.)

Послушай, женщина, уж больно ты стара.

Что ж девок молодых нигде не видно?

Я помню, много было их вчера.

Сегодня – ни одной.

Прости, обидно.

Пенелопа

Ты – негодяй!

Растленный мерзкий тип!

Ты – сын овцы и пьяного барана!

Служанка

Царица, тише. Муж ваш

Снова спит.

А что нам делать с бандой

Ветеранов?

Пенелопа

Всех вон! На берег!

Быстро под прибой.

И пусть волна им всем мозги продавит.

Я не могу сносить

Их мерзкий храп и вой.

За что же боги так меня карают?

(занавес)

Картина третья

Двое из сонма богов – Старший и Младший.

Старший бог, обращаясь к Младшему.

Ты что наделал?

Ты зачем испортил бродягу и пройдоху Одиссея?

Ты, может, что-то с этого имеешь?

А, на царицу глаз ты положил?

Ты взятку взял... И кто же заплатил?

Из женихов?

Так он уже покойник.

Верни-ка всё назад.

Чтоб было всё пристойно.

А то, поверь, и сам не будешь рад.

(занавес)

Картина четвёртая

Служанка и Пенелопа.

Пенелопа

Что, царь?

Служанка

А он давно в саду.

Под розами рыхлит усердно землю.

Пенелопа

Кто с ним?

Служанка

Философы. Он их советам внемлет,
Дань, отдавая мирному труду.

Пенелопа

Все говорят – вчера борьба была.

Служанка

Да, кровь лилась. Азартно пели стрелы.

Он победил.

Фортуна любит смелых,

Благословляя добрые дела.

Пенелопа

Смерть лютую считаешь ты добром?

Служанка

Он честь спасал в жестоких поединках,

При этом сам мог много раз погибнуть.

Вам ли не знать, что было бы потом.

Суд победителей коварен и жесток,

А приговор – позорнейшее рабство.

Был выбор невелик – достойно драться.

И победить.

И он стоял на том.

Пенелопа

Но знатных много полегло людей.

И были даже те, кто пал невинно.

Все больше из родов они старинных –

Титаны и герои наших дней.

Ох, как бы новой не было войны.

Ему ведь будут мстить,

Он это знает.

Царю, как видно, боги помогают.

А те в своих решениях вольны.

Служанка

О, госпожа, вот царь сюда идёт.

Пенелопа

Ты нас оставь.

Я кликну, если нужно.

Служанка

Боюсь, царица, встреча с вашим мужем

Вам много огорчений принесёт.

(занавес)

Картина пятая

Одиссей и Пенелопа.

Пенелопа

Хвала богам! Сегодня всё как встарь.

Ты в добром здравии и наконец-то дома.

Одиссей

Сударыня, мы с вами незнакомы.

Я – Одиссей с Итаки. Козий царь.

Пенелопа

Мы не знакомы?

Что ж, пусть будет так.

Одиссей

А вы, я вижу, здешняя царица?

Вы замужем?

Пенелопа

Вдова. Уже лет тридцать.

Лет десять как ворчлива и стара.

Совсем седую стала голова,

Лицо в морщинах.

Что уж – не девица.

Одиссей

Я думаю, ваш муж отважно бился.

Пенелопа

Так утверждает вещая молва.

Одиссей

Что стало с ним? Где и когда пропал?

Пенелопа

Погиб, как видно, при осаде Трои.

Одиссей

Там много славных полегло героев.

Утратив жизнь, ваш муж великим стал.

Был бесконечен этот славный бой.

И я был там.

Могли и биться рядом.

Никто из нас не требовал награды,

Готов был каждый жертвовать собой.

Пенелопа

А что же все вы там приобрели?

Богатство, славу,

Может быть, бессмертье?

Я твёрдо знаю, вы уж мне поверьте,
Вас просто, как младенцев, провели.
Вы двинули на Троию корабли,
Пытаясь возвратить шальную бабу.
Зачем всем вам всё это было надо?
За что же вы чужие храмы жгли?
Вы множили число сирот и вдов,
Свои дома залили вы слезами.

Одиссей

Прошу меня простить,
Но даже с Вами я обсуждать
Всё это не готов.
Короче стали тени на стене.
Что ж, день не век, не может вечно длиться.
Сударыня, я должен удалиться.
Дела не ждут. Пора и вам, и мне.

(занавес)

Картина шестая

Старший бог и Младший бог

Старший бог

Не может быть! Её он не узнал.

Младший бог

Да ведь они не виделись лет тридцать.

Оставил он её почти девицей –

И вот почти старухой повстречал.

Старший бог

Да, неприятный, скажем так, финал.

Для эпоса он явно не подходит.

Младший бог

Да не финал ещё. Ведь всё проходит.

Простите, но не помню, кто сказал.

Старший бог

А я бы с ним хотел потолковать.

Младший бог

Что, с Одиссеем?

Это против правил.

Старший бог

Когда мы можем что-нибудь исправить,

На правила мы можем наплевать.

Младший бог

Вы – Старший бог. Тут вам и карты в руки.

Но правила ведь пишут наверху.

И на старуху может быть проруха.

И нос, глядишь, окажется в пуху.

Так нужно ль рисковать?

Им, смертным, век отмерян.

Им все равно где жить, где умирать.

Им хорошо,

Они во что-то верят.

Зачем у них всё это отнимать?

Ну для чего встречаться им с богами?

Они ведь станут слишком

Много знать.

И как же после этого

Мы с вами

На судьбы их сумеем повлиять?

Они нас просто станут «посылать»,

Занудами считать и дураками.

Так для чего своими же руками

Своё величие мы станем разрушать?

Старший бог

Меня ты убедил.

А что же дальше будет?

Младший бог

Посмотрим. Одиссей наш не debil.

Жену-то он забыл.

Но не забудет,

Когда и как врагов он победил.

А коли так, тогда, быть может, вспомнит:

За что убил блистательных мужей.

Старший бог

(в сторону)

А я то думаю,

Куда мальчишка клонит.

Да он не по годам умен,

Злодей.

(занавес)

АКТ ВТОРОЙ

Картина первая

Пенелопа и служанка.

Прошло какое-то время.

(Время здесь спрессовано и перемешано.

У него нет линейного течения.)

Служанка

Царица, к нам идёт какой-то флот.

Пенелопа

К нам? А зачем? И скоро ли прибудет?

Что будет дальше, если флот придёт?

Что боги говорят, пророки, люди?

Служанка

Одни молчат, другим на нас плевать.

А вот народ... Встревожен он, и сильно.

Ещё вчера всё было очень мило,

А нынче соли в лавках не достать.

Купцы дома зачем-то продают,

Всё, что плавёт, скупают без разбора.

На рынке беспокойно – драки, ссоры.

Того глядишь, вот-вот – и побегут.

Пенелопа

Так это же ...

(зжимает рот)

...война.

Служанка

Она, она.

Пенелопа

Где государь?

Служанка

Он встал довольно рано.

На берегу сидит, с ним ветераны.

Пенелопа

Вот так дела!

Дела, дела, дела.

Всё у тебя?

Служанка

Да, всё. Я побегу?

(убегает)

Пенелопа

(отрешённо)

Беги, беги,

А мне куда бежать?

(смотрит ей в след)

Взять щит и меч и с целым флотом биться?

Что может сделать слабая царица?

Молиться может, плакать и молчать.

На милость божью остаётся уповать

Да на супруга ветреного злиться.

В момент последний можно отравиться.

А, всё равно!

Теперь недолго ждать.

Картина вторая

Одиссей на берегу в окружении ветеранов

Одиссей

Прospались все, героев славных сброд.

Первый ветеран

Царь, где мы? Где?

Ведь это же Итака.

Одиссей

Она, она, обнять её и плакать!

Вон пристань, а на пристани народ.

И все хотят по-быстрому «свинтить»,

То бишь сбежать – подальше, поскорее.

К нам флот идёт. Там те, в ком ярость зреет,

За смерть своих хотят нам отомстить.

Второй ветеран

Нам отомстить! За что же нам-то мстить?

Горгона в глотку им! Всё было по закону.

Пока ты воевал и был вдали от дома,

Они могли всего тебя лишить.

Ты просто был обязан их убить.

Одиссей

Да ладно.

Что тут долго говорить

О чести, о порядках, о законах.

Тем, кто сюда плывёт, всё это незнакомо.

Им грабить хочется.

Третий ветеран

Тогда скажи, как быть?

Одиссей

Пойдёте в порт, найдёте там людей –

Воров, контрабандистов и пиратов.

Пообещайте: щедро, мол, заплатим –

С добычею вернулся Одиссей.

А им я в управление отдам

Все острова, все бухты, все проливы.

Купцов налогами обложат, коз, оливы.

А все доходы – строго пополам.

Но пусть они сначала флот сожгут,

И на галерах есть чем поживиться.

А мне пора наведаться к царице –

Нас всё ещё, быть может, дома ждут.

Где Телемах?

Первый ветеран

Два дня как он исчез.

Как, почему, зачем –

Никто не знает.

Возможно, где-то войско собирает,

А может, нет.

Короче – тёмный лес.

Одиссей

Так, с этим разберёмся после мы.

Пока – все в порт, пусть боги помогают.

Чтоб тихо было всё.

Коль что-то враг узнает...

Смотрите, не сносить нам головы.

(занавес)

Картина третья

Служанки. Они подсматривают.

В спальню к Пенелопе входит Одиссей.

Служанка

Ворвался к ней он, словно ураган.

Схватил её и тут же бросил в ложе.

О, как же это на него похоже.

Он прежний, наш... Он наш.

Хвала богам!

Пенелопа

(В разнеженном состоянии. Напевает)

Так что ж? Я больше не вдова?

Скажи мне, милый мой.

Я снова мужняя жена?

И ты пришёл домой.

Вакханок сладкие черты

Растаяли, как дым.

И снова вместе я и ты –

Союз наш нерушим.

Не гредишь ты уже о той,

Далёкой и шальной.

Ты снова мой и только мой,

Желанный и родной.

(Постепенно приходит в себя. Осматривается).

Что я несу? Ужасный бред.

А кто мне даст ответ:

Куда исчезли тридцать лет?

Кошмарных тридцать лет.

Как мне прикажешь их забыть,

О, повелитель мой!
Прикажешь вновь тебя любить?
Ведь ты пришёл домой.
А может, ядом боль унять,
Страданья заглушить?
Куда мне от себя бежать?
И как мне дальше жить?

(Входят служанки. Одиссей спит.

Спальня наполняется его могучим храпом.

Служанки приступают к омовению Пенелопы,

а затем и Одиссея.)

(занавес)

Картина четвёртая

Одиссей спит. Служанки ушли. Пенелопа одна.

Пенелопа

Я что, и вправду стала так дурна,
Что он ко мне боится прикоснуться?
Хотелось бы заснуть и не проснуться.
Грудь дряблая, седая голова –

Ничто его ко мне уж не влечёт,
И он моих не жаждет поцелуев.
Так, всё не в счёт, и я сама не в счёт.
Я вижу, что его я не волную.
Он просто свой спешит исполнить долг,
Он почитает это добрым знаком.
Пресыщенный, в любви ты знаешь толк –
Таким ты возвратился на Итаку.
А мы, увы, что знаем о любви?
У нас она скромна, провинциальна.
Любовь у нас бедна – всегда одна.
И всё до ужаса банально.

Одиссей

(Он проснулся уже давно и слушает Пенелопу)

Послушай, Пенелопа, мы с тобой
Давно уже не парочка подростков.
Был труден путь, но я пришёл домой.
Я понимаю, всё у нас не просто.
Не зачеркнёшь те страшные года
И не забыть жестокую разлуку.

Тех лет уж нет, их унесла вода.
Остались наши чувства, души, руки.
Наш дом, наш сын... Где, кстати, Телемах?

Пенелопа

(безразлично)

Не знаю я.
Ушёл, наверно, в море.
Ты счастье на семи искал ветрах,
Его черёд пришёл с судьбой поспорить.

Одиссей

Не очень он удачный выбрал час –
Враг у ворот, нам смертью угрожает.
И в этот миг наш сын бросает нас.
О боги, ничего не понимаю!

Пенелопа

Да полноте. Чего тут понимать?
Одних находим мы, иных, увы, бросаем.
Скажу тебе я, Телемаха мать,
Его прощаю и благословляю.
Что будешь делать ты?

О хитрости твоей

Легенды на земле давно слагают.

Ты что-нибудь придумал, Одиссей?

Придумал, я гляжу.

Что ж? Пусть. Потом узнаем.

(Занавес)

Картина пятая

Одиссей среди ветеранов.

Те докладывают о проделанной работе.

Одиссей

Пираты что?

Первый ветеран

Живут и хлеб жуют.

Но от союза с нами отказались.

Проливы, бухты так себе возьмут...

Одиссей

Что прямо так они вам и сказали?

Первый ветеран

Примерно так.

Одиссей

А остальные что?

Второй ветеран

Контрабандисты, воры – как пираты:

Вы, говорят, тут сами виноваты,

Вот сами и работайте мечом.

Одиссей

Ну, наглецы! Я их просил о чём?

Просил плечо нам в трудный час подставить.

Они же бьют под дых... Всё нипочём.

Такое хамство так нельзя оставить.

Собрать всех наших! К бою корабли!

Я знаю сам, что их у нас немного,

Но с нами Боги моря и земли.

Богов небесных уж не будем трогать.

(Вбегают третий ветеран)

Третий ветеран

Царь, я узнал!

Узнал, где Телемах.

Здесь, рядом, там увидел я такое!

Вот это мощь и силище. Размах.

Я этого не видел даже в Трое.

(Одиссей с ветераном уходят).

(занавес).

АКТ ТРЕТИЙ

Картина первая

Часовые Телемаха, входит Одисей

Первый часовой

Стой, кто идёт?

Одиссей

Ты, что, там угорел?

Я – Одиссей!

Первый часовой

А мне плевать, однако. Стой где стоишь!

У нас довольно стрел,

Чтоб продырявить вас,

Клянусь Итакой!

Одиссей

Ну нет, ты видел? Вот так молодец.
И глазом не моргнёт, как нас уложит.
Да будет непредвиденным конец.
Я – здешний царь!

Первый часовой

Сейчас пойдём доложим.

Одиссей

А кто ваш вождь?

Второй часовой

Великий Телемах!

Одиссей

Вот это да. Он – и уже великий?

Второй часовой

Да, он велик и в мыслях, и в делах.
Клянусь тебе Богини ясным ликом!
Возвращается первый часовой.

Первый часовой

Который Одиссей – проходит пусть.
Второй же тут останется, на месте.

Одиссей

Ты, грусть, молчи! Молчи, моя ты грусть.

Ну молодёжь, ни совести, ни чести!

Картина вторая

*В сопровождении часового Одиссей проходит
по тоннелю. Выходит на площадку,
вырубленную в скале над морем. Он видит внизу
крепостные стены, бастионы, рвы.
Во внутренней бухте стоят боевые корабли.
На плацу и открытых площадках маршируют
и тренируются солдаты. На ключевых позициях –
часовые. Навстречу Одиссею поднимается его сын
Телемах. Он в боевых доспехах, которые ярко
блестят на солнце.*

Телемах

Привет тебе, отец. Чуть свет – ты на ногах.

Заботы за тобой толпою ходят?

Одиссей

И ты будь счастлив, сын мой Телемах.

Ты что, не знаешь, что тут происходит?

К нам движется чужой могучий флот.

Телемах

Здесь нет чужих флотов и быть не может.

Одиссей

Да нет же, сын. Молва о нём идёт.

И это нас не может не тревожить.

Телемах

Да что за флот? Кто мог его собрать,

Набрать солдат и к нам сюда направить?

Одиссей

Да те, кто страстно жаждут убивать

И для своей потехи жаждут грабить,

Кто нам с тобою хочет отмстить, за тех,

Кого мы жизни тут лишили.

И что нам делать, мы должны решить.

А то не оказаться б нам в могиле.

Телемах

Отец, моя разведка мне не врёт.

Угрозы нет и быть её не может.

Одиссей

А флот?

Телемах

Есть флот. Есть мой военный флот.

Скажи мне, что ещё тебя тревожит?

Одиссей

Постой, сынок. Откуда корабли?

Солдаты и оружие откуда?

Телемах

Я всё купил, и боги помогли.

Коль в чудо верить, то случится чудо.

Был найден клад, огромный древний клад,

На острове. И найден он был мною.

Случилось это много лет назад.

Ты занят был бессмысленной войною.

У матери был вечный карнавал –

Рой женихов спесивых и бестактных.

Я крепость выстроил, я армию набрал,

И стала неприступною Итака.

Ты видишь боевые корабли.

Вот – женихам они принадлежали.
Но воины мои их штурмом взяли
И нас с тобой от гибели спасли.
В солдат моих я верю, в моряков –
Жизнь отдадут и душу за Итаку.
Теперь они к любой готовы драке.
Способны одолеть любых врагов.
Жаль только – нынче мало дураков,
Кто захотел бы с нами потягаться.
Солдата гробит мир, он должен драться –
Диктует опыт множества веков.

*(На этих словах Телемах поворачивается
и, не прощаясь, уходит.)*

Одиссей

Речь вдохновенная, здесь нечего сказать.
Звучат слова не мальчика, но мужа.
А мне же остается лишь гадать:
А сам-то я кому-то буду нужен?

(занавес).

Картина третья

Старший бог и Младший бог

Старший бог

А ты не знаешь, кто ему помог?

Младший бог

Какой-то бог. И может быть, из главных.

Была поддержка, есть уже итог.

Он скоро встанет в строй героев славных.

А что ж? Вот так до старости сидеть

Ему в тени папаши Одиссея?

А ждать чего? Пока старик созреет,

При этом растолстеть и облысеть?

А так – монарх красивый, молодой,

И перспективный, и честолюбивый.

Хороший воин – дерзкий, удалой,

Не держится за юбку и оливы.

Ротация – такой больной вопрос.

Как двигать молодёжь, нам неизвестно.

Царя не отодрать у нас от кресла –

Вот и сидит он до седых волос.

Ну и созрел в верхах эксперимент.
И парень там кому-то приглянулся.
Крутнулся где-то, как-то провернулся.
Как говорят у нас – лови момент.
Нашли ресурсы. Как же – найден клад...
Откуда на Итаке взяться кладам?

Старший бог

Да ладно, я за парня очень рад.
И мы с тобою вроде не в накладе.

Младший бог

Да, господин. Растёт ваш личный счёт.
Захвачен флот. Разгромлены пираты.
Мы эти факты вставим в наш отчёт
Ну и распишем всё витиевато.

Старший бог

Отцу бы надо что-то предложить –
Ещё он пригодится нам с тобою.

Младший бог

Что беспокоиться? До смерти будет жить
В своём дворце с любимую женою.

Старший бог

Ну, а награда?

Младший бог

А награда – жизнь.

Не то вон на пиру, как Агамемнон.

Богам попробуй где-то «нет» скажи...

Они суровы и мольбам не внимлют.

(Занавес)

Картина четвёртая

Прошло время. Всем управляет Телемах.

Он разгромил пиратов, воров и контрабандистов.

Собирает налоги. Его родители лишь номинально

считаются царствующими особами.

Одиссей и Пенелопа.

Пенелопа

О, государь.

Одиссей

Любимая, заткнись!

Какой я царь? Я просто иждивенец.

Я целый день плюю с балкона вниз.
Я пью вино и тешу чахлый пенис.
Я груб? Да, груб.
А должен быть учтив...
Обязан в комплиментах рассыпаться,
Угодничать и дамам грубо льстить,
С ничтожеством обязан целоваться –
Так, мол, велит дворцовый этикет.
До ветру не сходить без этикета.
Для этого я жил? Кто даст ответ?
Ответов нет, но есть зато советы.
Совет смириться, не гневить богов,
Не унывать, а то утонешь в луже.
Ещё твердят – закон судьбы таков.
О боги, ну кому всё это нужно?
Да, каюсь, был царьком не без затей.
Да, был хитёр, но был и любопытен.
«Ну, и чего ты жаждал, Одиссей?»
Спроси меня.
Отвечу я – открытий.

Пенелопа

Наш юный царь, великий Телемах,
Тебя он любит, чтит и привечает.

Одиссей

Кошмарное смятение в умах.
Кто тут кого великим назначает?!

Пенелопа

О боги, милый мой, зачем кричать?
Ведь во дворцах у стен бывают уши.

Одиссей

Так, стало быть, я должен замолчать.
Что? В нашей спальне могут нас подслушать?
А может быть, нам можно приказать?
И наказать, наверно, тоже можно?

Пенелопа

Не надо бы словами вам брэнчать.
Всё это, милый, так неосторожно.

Одиссей

Я за себя сумею постоять,
И честь мечом я защитить сумею.

Пенелопа

На сына ты посмеешь меч поднять?

Ты не посмеешь...

Одиссей

Верно, не посмею.

Чего уж тут? Да ладно, побреду.

Пойду пройдусь, а то заныли раны.

Искать не надо. Я на берегу.

В таверне там гуляют ветераны.

Мы посидим и песни попоём,

Так, вспомним о своих былых походах,

Вина попьём, вином тоску зальём,

Увидим, как над морем солнце всходит.

(занавес)

Картина пятая

Берег моря.

Скалы. В прибрежной пещере

собрались ветераны.

К ним входит Одиссей.

Одиссей

Ну что, друзья, готовы корабли?

Первый ветеран

Да, в полночь ускользнем – и не заметят.

Второй ветеран

Куда мы поплывём?

Одиссей

На край земли –

Своим тавром отныне будем метить

Проливы, острова, материки.

Пойдём к Столбам,

Затем в Гиперборею.

Друзья мои, мы с вами моряки!

Нам ветер дальних странствий душу греет.

И родину мы новую найдём

И новой назовём её Итакой.

Ну, а теперь мы выпьем и споём,

Любимую споём,

Обнять и плакать.

Курс на Север

«Кто теряется на ночь,
Кто – на несколько лет
Свой находит уют
У какой-нибудь юбки.
Меркнет памяти свет,
И теряется след,
Словно след уходящей
От пристани шлюпки.

Шлют портовые шлюхи
Прощальный привет.
Мы отходим от стенки
И подняты сходни.
Меркнет памяти свет,
И теряется след
Где-то там, в лабиринтах...
Уходим, уходим...
И уже не найти нам обратно пути.
А, быть может, и нам

Это вовсе не нужно.
Путь иной мы должны
Непреренно пройти,
Невзирая на льды
И полярную стужу.

Север лёгкие лечит и чистит мозги.
Здесь все сложное станет
Простым и понятным.
Курс – на Север!
И пусть мы не видим ни зги,
Пусть наш кок, пьяный малый,
Одет неопратно.

Курс – на Север, всё ясно,
И выбора нет
У ватаги хмельных
И бездомных матросов.
Это наш запоздалый
И краткий ответ

На безумное множество
Глупых вопросов.

Что? Когда и зачем?
Отчего? Почему
Ты меня разлюбил?
Жить со мной надоело?
Ты уйдёшь, а к кому?
Что с тобой? Не пойму! –
Над причалом ещё
Очень долго висело.

А потом поглотил всё
Весёлый прибор.
Всё рассыпалось,
Словно солёные брызги.
Только чайки горланят
У нас за кормой,
Тоже требуя сытой
И радостной жизни.

Что ж, за воздух держись,
Продолжается жизнь.
Прёт корабль вперёд,
Шелестит парусами.
А у жизни ещё
Есть крутой поворот,
И должны мы поспеть
За её чудесами.

И поспеть, и посметь,
И в глаза посмотреть
Тем, кто бросит вослед
Нам слова укоризны.
И послать свой последний
И дерзкий привет
Той, что нас поведёт
За собой после жизни.»

(занавес)

Конец.

Ну вот и всё. Что знал – то рассказал.
Чем завершилось? Так скажу – не знаю.
Читатель пусть берёт и выбирает
Любой правдивый красочный финал.
Вот вариант – герой наш пострадал,
Театр закрыли и не заплатили.
Герой сражался, труппу отстоял –
Его здесь полюбили и простили.
Быть может, сверху кто-то помогал.
(А помогла ему тогда она,
Та, что была «любимицей народа»).Да, их свобода встретила у входа,
И не забыты эти имена.
А вот событий ход чуть-чуть иной.
Зал рухнул от оваций и восторгов,
И мудрый человек с лицом парторга
Промолвил: «М-да», встал и пошёл домой.
Увы, мы не узнаем никогда,
А что же означало это «М-да».
Театр жил и до сих пор живёт,

И крупных режиссеров приглашает.
(Им просвещённый зритель цену знает),
К себе кого попало не зовёт.
В Сургуте жить остался наш герой.
Приехала из Питера супруга.
Он в ней нашёл советника и друга,
И мир он с ней открыл – особый, свой.

Да, с той поры прошло немало лет,
У нас в стране уклад чужой рождался.
Иной разбогател и к власти рвался.
Другой же вкалывал,
Но, как он ни старался,
Не мог увидеть счастья яркий свет.
Братва вовсю дербанила страну.
Шли с молотка великие заводы.
В металлолом сдавались теплоходы.
Кто пел на клиросе,
Кто славил сатану.
И с режиссёром нас судьба свела.

Хоть и с трудом,
Узнали мы друг друга.
Разговорились...
За окошком вьюга
Совсем не по-весеннему мела.
Мы пьесу вспомнили и автора её.
Конечно же, о прошлом мы взгрустнули.
Кого-то добрым словом помянули
И молча выпили,
Так, каждый за своё.

Глава 3

Гомерчик

(Рассказ режиссёра)

Тут слух прошёл:

Гомерчик наш пропал.

Слух в сердце отозвался грустным эхом.

Никто не знал, возможно, он уехал.

Куда? Зачем?

Увы, никто не знал.

Но вот, однажды утром я иду,

На перекрёстке вижу:

Ба, Гомерчик!

Стоит, молчит,

Спокоен и доверчив.

Пытается услышать тишину.

Режиссер:

Гомерчик, это правду говорят?

Вы там, как-будто нечто написали,

Что вас потом по всей стране искали,

Нашли и вновь отправили назад?

Гомерчик:

Бог с вами: говорят и говорят...

Куда назад?

Скажите, Бога ради.

Режиссер:

Назад, в Сургут.

Гомерчик:

Так в ссылку иль в награду?

Вы, вот что, к нам зайдите.

Будем рады.

Режиссер:

А пёс ваш Чарли?

Гомерчик:

Тоже будет рад.

Пока же тороплюсь. Поклон жене.

Режиссер:

И, вы – своей...

Гомерчик:

Мерси, всенепременно.

Страна уже сползала к переменам,

Так, как у нас

Зима ползёт к весне.

Такой вот состоялся диалог
На переходе и под светофором...
И было продолжение разговора,
Под славный коньячок, довольно скоро.
Пылал камин и дог сидел у ног.
Пёс Чарли, обаятельнейший пёс.
Молчун, участник споров неременный.

Гомерчик:

Вы утверждали – будут перемены?

Режиссер:

Да, так мне кажется.

Гомерчик:

Ну, и каков итог?

К чему же мы, в конце концов, придём?

Режиссер:

Придут свобода, равенство и братство...

Гомерчик:

Нет, этого нам с Вами не дожидаться.

Уж больно мы стремительно ползём.

Так движемся, что мало кто поймёт:

Ползём ли мы назад? Ползём вперёд...

Режиссер:

Гомерчик, ну Вас.

Этот пессимизм травмирует

И душу разрушает.

Что будет и когда?

Никто не знает.

Есть те, что ждут «Военный коммунизм».

Ещё приход Мессии очень ждут.

Да, да – Мессии, есть у нас такие.

Есть те, кто верует в червонцы золотые.

Есть те, кто верит в светлый град

Сургут.

Мистический, от всех сокрытый град.

Тот, что лежит за гранью окоёма.

То бишь – на дне

Большого водоёма.

А утонул он много лет назад.

Но те, кто верят, знают наперёд,

Что он взойдёт из толщи тёмных вод.

В сиянии поднимется из мрака.
А мэром будет там Черняк Иаков.
И всех он нас в тот город заберёт.
А, может, будет всё наоборот...

Гомерчик:

Скорей всего «Наоборот» и будет.
В чём корень наших бед?
Да в наших людях.
И мэр тут никакой нас не спасёт.
Ни Бог, ни царь, и даже ни герой.
Так, кажется, в одной поётся песне.
В нас бродит яд –
Смесь зависти и спеси.

Режиссер:

Ну, что Вы, что Вы, что Вы –
Милый мой.
Народ устал и жаждет перемен.
Он в будущее светлое стремится.

Гомерчик:

Ему бы надо многому учиться.

А так, зачем ему вставать с колен?

Он больше потеряет, чем найдёт.

Он этого, увы, не понимает.

Наивен наш народ и мало знает.

И, как всегда,

Небесной манны ждёт.

Режиссер:

Его обязан кто-то просвещать.

Воспитывать, учить на путь наставить.

Гомерчик:

Не нужно это тем,

Кто нынче правит.

Народом тёмным легче помыкать.

Они поднаторели говорить:

О равенстве, о братстве, о свободе,

О матушке России, о природе.

А цель у них одна – мощну набить.

И будут безобразия творить,

Пока народ поймёт, что был обманут.

Тогда к ответу нас они притянут

И чашу горькую до дна заставят пить.

И всех на нас навешают собак.

На тех, кто призывал народ к свободе.

У них всё это здорово выходит.

Режиссер:

Ужасно это всё.

Гомерчик:

Но будет так.

Вы спрашивали, что я написал?

Режиссер:

Да, мне, признаться,

Очень интересно.

Гомерчик:

Поэма

Получилась, а не пьеса.

Нигде её я не публиковал.

Режиссер:

А как тогда о ней узнали все?

И Вас потом по всей стране искали?

Гомерчик:

Кто это Вам сказал?

Режиссер:

Друзья сказали.

Гомерчик:

Я б тщательней друзей бы выбирал.

И что меня искать?

Я здесь живу.

В трудах, заметьте,

Век свой коротаю.

Не злобствую и Бога не гневлю.

Я не бандит и все об этом знают.

Все знают, что страну свою люблю.

И город наш – в значении высококом.

Да, это мне порой выходит боком.

Ну, ладно, ладно,

Так и быть – стерплю.

А если о поэме говорить,

Давайте это делать осторожно.

А, впрочем,

Всё возможно, всё возможно...

Враги нам помогают славно жить.

Вот рукопись –

На сутки Вам даю.

В порядочности вашей я уверен...

И вот уже за ним закрылись двери,

И звёзды в небе выстроились в круг.

И в сердце тут ко мне

Проник испуг:

Расположились звёзды слишком странно.

На ум пришла строфа из Иоанна.

Мела метель и ни души вокруг.

Я дома и поэма на столе.

О чём сей труд? Судить и вам, и мне.

Глава 4

Сочинения господина Гомерчика

(Составитель информирован о том, что эти произведения были опубликованы под псевдонимами: И. Северский, И. Северский (Кириллов). С автором эти действия были согласованы и производились с его одобрения и согласия).

«Ай да сукин сын»

К Пушкину А. С., 1799 года рождения,

все ниже написанное

не имеет ни малейшего отношения.

Все совпадения случайны.

1

Холера, осень, Болдино, дожди.

Полоска ржи,

Как в песне той поётся.

И в голове стальной пружиной

Вьётся:

«Тепла не жди, да и добра

Не жди.

Живи, не верь, не бойся,

Не проси».

Откуда это в душу прилетело?

Забавно,

В эту осень то и дело

Осколки фраз вонзаются в мозги.
Как будто где-то был гигантский взрыв –
Вся мудрость предыдущих
Поколений
Отправилась скитаться по Вселенной,
Как яростный и пламенный призыв.
Призыв к потомкам? Богу?
В пустоту?
Мольба о помощи, а может,
Клич прощальный...
Как зябко, право слово, стало в спальне.
Пора вставать и падать
В суету
Привычных дел и тягостных забот.
Долги гнетут, торопят кредиторы...
А что в столице?
Сплетни да раздоры.
Любовь, измены, карты, ссоры,
Споры.
Пустых страстей густой

Водоворот.

По крайней мере пишут так ему.

Наверное, пытаются утешить –

Мол, караван идет, собаки брешут..

Так далее, подобное тому...

А вот письмо: затеяли журнал

(Однако! Нынче мода на журналы),

Зовут к себе, считают дельным малым.

Хотел им отказать –

Не отказал,

А вдруг да не откажутся платить.

Подумал вслух:

«Да, деньги будут кстати,

Ведь надо как-то жить».

И вон с кровати.

Да, друг старинный лучше

Новых двух.

2

Перо скрипит, рождается строка.

Доволен он –

Сегодня занят делом.
Но фраза, что недавно прилетела,
Застыла,
Словно пуля у виска.
Шумит, стучится, требует впустить –
Так пьяный путник ломится в ворота, –
И нужно, хоть и страшно неохота,
Вставать, идти ворота отворить.
Но путник что?
У печки враз заснет.
А эта – нет.
И ход привычный мыслей
Нарушен будет,
Скуксится и скиснет
Набор готовых строф –
И все пойдет,
Покатится куда-то.
Жуть берет!
Так лед бывает взломан половодьем.
Оковы рухнули,

И дерзостно, свободно

Река бежит вперед,

Вперед! Вперед!

3

Вот и теперь шальная эта мысль

Ему твердит: живи, не верь, не бойся.

Твори, не прогибайся и борись,

И больше ни о чем не беспокойся.

Вот это жизнь!

Вот это, братец, жизнь!

А что же свет?

Долги, желанный чин?

Мужчине не пристало быть без чина.

А может, в этом кроется причина

Его хандры...

Одна из тех причин.

А как все было сладко и легко.

Слегка прогнулся...

Ножкой шаркнул лихо.

Он помнит, как мгновенно стало тихо,

Как было удивленье велико
И как внезапно сразу стал любим.
А все вокруг твердило и бурлило:
О, как же ты нам всем необходим,
Взойди же, наше новое светило.
И кажется, доволен был сатрап,
Что все довольно мило завершилось,
Что все свершилось – и, скажи на милость,
Каков арап, чудесный наш
Арап.

4

А тут опять – не бойся, не проси.
Таких не любят, как таких не любят!
Их быстро забывают, быстро губят,
Творят такое – Господи, спаси...
Но поздно, право, поздно причитать,
Ему уже доподлинно известно,
Что будет дальше...
Мыслям будет тесно.
На жизнь, на свет, на ласку –

Наплевать.

Вдруг захотелось что-то почитать

Из своего,

Да, да – из «Годунова».

И он прочел: «В начале было Слово...»

И удивился...

Начало светать.

5

(В царствование Александра второго)

Халат, чубук, свеча чадит.

И жить не радостней с годами.

Того гляди – вперед ногами

Уж понесут, душа болит.

Увы, не нужен никому,

Судьбина выбросила фортель.

Не нужен даже Бенкендорфу

(«Мой друг, мир праху твоему!»)

Что книги?

Встали в стройный ряд,

Друг друга подперев боками,

Молчат, не спорят с дураками,

Есть-пить не просят,

Не горят.

Что деньги?

Нет их, как всегда,

Но нет долгов –

Уже не занимают.

Да дети, правда, навещают,

Но очень редко – вот беда.

6

Что Натали?

Она молчит.

Не суждено ей стать Ланской.

На мир в окно глядит с тоской –

Там солнце зимнее горит.

Что Государь?

Он увлечен

Реформой, да еще девицей.

Нельзя им, правда, пожениться,

Но это все им нипочем.

Нам повезло, он не дурак –
В России это, право, ново.
Того глядишь, свободу слова
Дарует нам,
Гражданский брак.
Суд независимый, свободы.
Совсем с ума сойдут народы
От этих вольностей...
Чудак.
Свои убьют, сотрут, сомнут.
Им это дело так знакомо.
«Да он опасней Пугачева,
наш Государь...»
Суров их суд,
И наказание сурово.

7

Читатель мудрый скажет:
«Что за бред?
Погиб поэт, нам год и век
Известен.

В рассвете лет погиб
Невольник чести.
И никаких сомнений в этом нет».
Все верно.
Лошади храпят.
Возок стрелой несется
К речке Черной.
Седок чуть задремал.
Вчера упорно
Он что-то сочинял и плохо спал.
Вот прикорнул.
Привиделось ему:
Усталость, грусть, забвение и старость.
Но он проснулся,
Где-то там остались
Свеча, халат.
Все кануло во тьму.

8

Ну вот сбылось!
Я – памятник.

Стою
Здесь, на Тверском.
Заметьте, весь из бронзы.
Поклонницы кладут к подножью
Розы,
Кладут любовь и преданность
Свою.
Я возведен на мощный пьедестал –
Пред ним Москва торгует и
Клубится.
А мой народ на образ мой молиться
Уже готов.
Ну вот вам и финал –
Финита ля комедия –
Я – Бог.
Такой разброс,
Что шире не бывает.
Сначала убивают, забывают,
А ныне – пресмыкаются у ног.
Поют осанну, издают труды.

Портреты, улицы, музеи.
А я стою вот тут и бронзовею.
Посмертной славы сладкие плоды.
Меж тем потомок умер в нищете.
Нет, нет. Он – не гуляка, не бездельник.
Но прожил жизнь он
Как-то «мимо денег»,
Сгубил талант
В тоске и суете.

9

Довольно странно мой народ живет.
Чтоб он ни делал – поздно или рано
Власть над собой он отдает тирану
И славу деспоту без устали поет.
Потом грустит, на кухнях водку пьет,
Ворчит и ковыряет пальцем рану.
Свободы ждет..
Что ж? Поздно или рано
Священный миг свободы настает.
Но ненадолго, новая заря

Народу дарит нового царя.
Да, Саша Пушкин,
Ай да сукин сын.
Не повезло тебе, Mon sher,
С народом,
Зачем в жестокий век
Восславил ты свободу?
На кой она, свобода эта, им?
И без нее наш доблестный народ
Веками припеваючи живет.

10

Так он стоял и думал о народе,
О Родине своей и о свободе.
А также о превратностях судьбы.
О бунтарях, пророках,
О тиранах.
В Москве была жара,
И утром ранним
Асфальт дымился
И ловил следы.

Как это просто –
Свой оставить след.
Лишь надо пробежаться
Утром знойным
По мягкому асфальту –
И довольно.
И дальше жить, не зная
Ни мук, ни бед.
Не зная зубов насмешницы судьбы,
Глухих утрат,
Коварства славы поздней.
А нужно лишь легко и грациозно
Повсюду разбросать свои следы.
И вот он – памятник
Разбитым каблукам,
А также старым
Сношенным подошвам,
Солдатским сапогам и босоножкам –
Всем нам минувшим,
И грядущим нам.

«На подмосковной даче летом»

Вертлявый маленький брюнет
На дачу с нами ехал летом.
Он был литературовед –
И он настаивал на этом:
«Дантес – литературовед,
Дантес – убийца всех поэтов».
На дачу подмосковным летом
Съезжались гости на обед.
Предполагался винегрет,
Уха стерляжья и котлеты.
А к ним – литературовед
Дантес – убийца всех поэтов.
Уже готовились шашлык
И паровая осетрина,
Каре ягнёнка, оленина
И фаршированный язык,
Окрошка с дедовским секретом.
А к ним литературовед
Дантес – убийца всех поэтов.

Среди гостей был слух распущен,
Что будет литератор Пушкин,
Прямой потомок и поэт.
Дантес? Под кем он ходит? Чей?
А тот, второй, что, правда, Пушкин?
А для чего всё это нужно? –
Шёл разговор среди гостей.
А это нужно для того,
Что эти двое станут драться!
На кулаках? Да нет, стреляться –
А мы посмотрим, кто кого.
«Дантес? Наверное, еврей?
Литературовед к тому же».
Обед катился плавно в ужин
Под шелест светских новостей.
Не тот, конечно, нынче свет.
Скорей он ближе к полусвету.
Но дача, баня, солнце, лето...
А в банях генералов нет.
Здесь был Сам Самыч – депутат.

Он в прошлом – секретарь обкома.
Он на Москве имел три дома,
Был тороват и вороват.
Приехал нефтяной магнат,
Известный некогда катала.
Он начинал у трёх вокзалов,
А нынче – сказочно богат.
Теперь сам чёрт ему не брат,
Поскольку брат его – министр.
Был в прошлом брачным аферистом,
Теперь же он женат, рогат.
Но был и самый главный гость.
Все знали – это вор в законе –
Он тридцать лет провёл «на зоне» –
Высокий сухопарый гвоздь.
Он взглядом остальных гвоздил,
В уме всем цену назначая,
Не расставаясь с кружкой чая,
Он «беломориной» дымил.
Здесь знали всё и обо всех:

Что завтра мы прочтём в газете,
Кто правит всем на белом свете...
Летал негромкий дамский смех.
Литературовед молчал,
Пил водку,
Тупо ел котлеты.
Резвился праздник и крепчал
На подмосковной даче летом.
Уже спели шашлыки, а вместе
С шашлыками – баня.
Сам Самыч мокрыми губами
Сжевал у дамы полщеки.
Но вдруг всё стало затихать,
А женский смех сменился храпом.
Кого-то кто-то где-то лапал,
И гости принялись скучать.
И даже стали разъезжаться.
Вот-вот, глядишь, начнёт смеркаться.
Да, нужно было начинать.
Решил хозяин слово молвить:

– Друзья, чтоб этот день заполнить,
Сюрприз я приготовил вам.
Чтобы развеять скуку с грустью,
Представлен будет вам «капустник».
Да нет же, не «шерше ля фам»,
Я помолчать просил бы дам,
Спектакль домашний, безыскусный.
Простой и трепетный рассказ
Мы вам поведаем сейчас.
Не как-нибудь, а живо, в лицах:
На даче, где-то под столицей,
Литературовед Дантес
Повздорил, так сказать,
С поэтом.
Да, это дело было летом,
Пух тополиный в ноздри лез.
Пред вами, господа, Дантес.
Вот два дуэльных пистолета.
Что? Говорите, нет поэта?
Неправда. Вот вам и поэт.

Все расступились, он предстал.

Нет, не в крылатке,

В джинсах, в куртке.

Да, были бакенбарды, кудри, –

Хозяин робко замолчал.

– Нет, посмотрите, как похож! –

Внезапно завопил Сам Самыч.

Он с полудюжиною самок из бани

выполз.

Легкий дождь прошелестел по жёстким

листьям,

О чем-то там вещал министр,

Ругая нашу молодежь.

Потом он вдруг заверещал

И начал требовать дуэли.

Все возбуждённо загалдели.

Поэт молчал. Не отвечал.

Хозяин дачи – либерал,

К тому же сам артист народный,

Любил кутить – и принародно,

Легко, с размахом шикавал.
Он на обеды приглашал
Гостей, как правило, не бедных –
Из высших сфер.
Здесь, за обедом
Свои проблемы он решал.
И так по жизни он шагал,
Творя невинные проказы.
Но вдруг посыпались отказы
От тех, кого он приглашал.
Народ пресытился, устал
От шашлыков да саун финских,
Все страстно жаждали изысков.
Каких? Увы, никто не знал.
И вот тогда наш театрал
Решил, что он в конце недели
Гостей попотчует дуэлью.
И тут в десятку он попал.
Искал и всё-таки нашёл
Он два дуэльных пистолета.

«Дуэль на даче этим летом...»
Слух по Москве гулять пошёл.
Ещё он Пушкина сыскал.
Родов блистательных обломок,
Тот жил достойно,
Был негромок,
Как правило, всегда молчал.
И были у него долги.
Его «поставили на счётчик».
И мог он вскорости закончить, увы,
Свои земные дни.
Хозяин дачи посулил
Решить проблему любовно –
С авторитетом уголовным
Он дружбу крепкую водил.
За это должен был поэт
По завершении недели
С Дантесом драться на дуэли
И грудью встать под пистолет.
Дуэль до крови, всё всерьёз...

В шести шагах, на пистолетах...
На подмосковной даче летом,
Среди развесистых берёз.
И миг платить долги настал.
Уже расставлены барьеры,
Спектакль всем щекочет нервы,
И грозный близится финал.
Сходитесь! И они пошли,
Среди гостей прошло волнение.
К барьеру оба подошли,
Но вдруг продолжили движение,
Сошлись
И, встав спина к спине, застыли,
Вскинув пистолеты.
Стояло в Подмосковье лето,
Смола катилась по сосне.
Был залп,
Пошла гулять картечь
Над головами у жующих,
Был кем-то дикий вопль испущен,

У прочих же исчезла речь.
Все стали резво убегать,
Всё на пути своём сметая,
Взлетали караси в сметане.
Ограду начали ломать.
Да, резвости не занимать
Заплывшим господам, матронам,
Министрам и другим персонам.
Оно ведь и понятно – знать.
А что же наши два героя?
Не разглагольствуя, не споря,
Переглянувшись меж собой,
Они пошли своей тропею.
Уже легли на дно реки
Те два дуэльных пистолета.
На подмосковных дачах летом
Светились мирно огоньки.
Они шли долго, быстро, молча.
Тот, кто короче был и толще,
Сказал тому, кто был высок:

– Я вот что думаю, сынок,
Неплохо было б из столицы
Нам ненадолго испариться.
Плечами лишь пожал в ответ
Прямой потомок и поэт.

**Жара в Москве,
или Письма к Аннушке**

В Москве – жара!
В жару мозги кипят.
А в черепной коробке
Туго с маслом.
Коль масла нет,
То есть тогда опасность,
Что тормозные шланги
Погорят.
Бульварами иду,
Срывает тормоза.
Навстречу вы,
И ваше имя – Анна.
Та встреча,
Как июльская гроза,
Внезапна и мгновенна,
И желанна.
В Москве – жара.
Мы бродим целый день.

К себе влекут тенистые аллеи.

Мне врать и фантазировать не лень,

Ни страстности, ни красок

Не жалею.

О чем же врет заезжий сибиряк?

Врет, опустившись на одно колено.

Возвышенно, светло, проникновенно.

Другой бы захотел, не сможет так.

О чем же врем?

О жизни, о судьбе.

О том, что на морозе

Водка – колом.

Ее мы разбавляем кока-колой.

Что кола не выводится в тайге.

Еще мы о рыбалке много врем:

Что ведрами – икра,

Пудами – рыба.

И что реке мы говорим спасибо,

И что медведя запросто мы бьем.
И нас не заподозришь никогда
Ни в подлости, ни в мелочном расчете.
Мы заверяем –
Честь у нас в почете,
А горе, право слово,
Не беда.
И бедность-то уж точно
Не порок.
(Сам прочитал,
Иль кто сказал про это?)
Еще мы говорим:
«В Сибири лето порой приходит
только на денек».
А в отпуске
Все мысли об одном:
Скорей бы нам
На Север свой вернуться,
Уж там-то точно
Есть где развернуться,

И зимним днем поставить
Все «вверх дном».
Вот так я пел –
Смиренно ты внимала,
В Москве-реке
Уж догорал закат.
«Здесь я живу», –
Негромко ты сказала –
«Пора домой, а вам пора назад».

Ах, Аннушка,
Мелькает образ ваш.
Его московский поглощает
Дворик.
А этот дворик подметает дворник,
Своей метлой меняя весь пейзаж.
Вот взмах метлы –
И ваших нет следов.
О, как же грациозно
Вы ступали.

Должно быть, так когда-то
Пропадали
Во времени обломки
Городов.
Что города?
Под эту метлой
Бесславно исчезали
Горы, страны.
А вам, возможно,
Это слышать странно –
Вы просто возвращаетесь
Домой.

Ах, Аннушка,
Меняется пейзаж.
Уже ваш двор –
большой бетонный кокон.
Одних подъездов
Штук, наверно, шесть.
А черных лестниц,

Пыльных, тусклых окон?
Всех не запомнить,
Всех не перечесть.
Веревки, грязно-серое бельё.
Базар недалеко,
Там спят бродяги.
И мощный запах
Стойкой хлебной браги
Вобрал в себя
Житьё и бытие.

Здесь все определяет
Битиё.
Муж бьет жену.
Мальчишки бьют друг друга.
Жизнь движется
По замкнутому кругу.
Торговок щиплет
Местное ворье.
Там места нет

Ни чувству, ни уму.
Их пожирает двор –
Бетонный кокон.
Глазницами больших
И темных окон
Сулит он нищету,
Беду, тюрьму.

Всех прелестей, боюсь,
Не перечеть –
От чердака до мрачного
Подвала.

Жизнь бьет ключом.
Всегда здесь
Солнца мало.
Но всё здесь жаждет
Пить, плодиться, есть.

(Прощальная записка, оставленная во дворе.)

Устал, спешу...
Объятия столиц,

Железные и жаркие объятия,
Нас побуждают
К перемене платья
И к полной смене
Мыслей, чувств и лиц.

Всегда здесь нужно
Как бы всюду быть,
Все как бы знать,
Со всеми как бы знаясь.
Смешить и мельтешить.
Хотеть, стараться.
Крутиться
И пытаться угодить.
Стараться угодить –
И угодить
В беззвучное беспомыслие.
Вот радость!
Но нет, уж лучше
Пьянство или праздность,

Чем по струне
Натянутой ходить.
Как попугай,
На жердочке висеть
И повторять знакомые фонемы.
И в страхе жить:
Не выпасть бы из темы.
Пытаться все успеть
И всех воспеть.
В подобострастье радостном потеть.
Ловить нелепый и капризный
Случай.
И глупости с немим восторгом слушать.
В конце концов
Навеки онеметь...

(Записка, посланная с вокзала.)

Ах, Аннушка,
Целую ручки вам.
Бегу, бегу...
Мне опостылел Запад.

Его щемящий, сладковатый
Запах
Преследует буквально по пятам.
И городов его
Большой бедлам
Несет в себе
Бессмыслицу и скуку.
По горло сыт,
Спасибо за науку.
Ах, Аннушка,
Целую ручки вам.
Прелестница, увы,
Бегу, бегу
В холодные объятия Востока
Туда, где без надрыва
И восторга
Царица Обь
Несет свою волну.
Я в той глуши надолго
Пропаду.

И ночью долгой
Мне опять приснится
Столица,
Но не просто так,
А в лицах.
И среди них
Узнаю ту, одну.
Ту, от которой я
Бегу, бегу.

Письма к Аннушке

(первое письмо)

Лисы залегают в норы.
Убегает бурундук.
Затихают птичьи ссоры,
Засыпает все вокруг.
Лес с опушкой да избушкой.
В той избе ни встать, ни сесть.
Печка есть, да миска с кружкой.
Соль в тряпице тоже есть.

Рыбу засолили
В бочках.
Дичь коптится –
Отдыхай!
Только рано ставить
Точку.
Есть еще вечерний
Чай.
В уголке двустволка
Дремлет.
За порогом сохнет сеть.
Славное подходит время –
Скоро чайнику
Свистеть.
Черен чай, густой и терпкий.
С ног сбивает, гасит спесь.
Есть в нем дух сибирский,
Крепкий.
И дегтярный привкус есть.
Что осталось от обеда –

Все на печь, затем на стол.

Начинается беседа,

Разговор гулять пошел.

Он плывет легко,

Беспечно,

Словно речка, не спеша.

И в беседе той сердечной

Раскрывается душа.

Очерстневшая, седая,

В шрамах от сердечных слез –

Расцветает, оживает

Под негромкий шум берез.

До глубокой ночи

Длится

Задушевный диалог.

О медведицах, тигрицах,

Кабанах, перепелицах...

Славный глухариный ток.

Вроде все уже поведал,

Что-то хочешь услышать.
Под душевную беседу
Очень сладко засыпать.
За ночь выстыла избенка.
В головах улегся кот.
Новый день, как смех ребенка,
Над седой тайгой плывет.

(второе письмо)

Сыро, слякотно в столицах
Под державной дланью звезд.
А в Сибири снег струится,
И за окнами мороз.
Иней высветил березы,
Дальние стога белы.
Языком отменной прозы
Пишется судьба зимы.
Бег неровный длинных строчек,
Слог, как долгий санный путь,
Многозначность многоточий,
Вечность медленных минут.

И на краткое мгновенье
Сквозь окна кисейный флер
Ты – как дивное мгновенье,
Откровенье высших сфер.
Мне к тебе сквозь мглу ночную
Дотянуться нет уж сил,
Вот такую, неземную,
Повстречал и полюбил.
Был и дерзким, и отважным,
Как грехи минувших лет,
Поцелуй соленый, влажный,
Уносимый ветром след.
В дальней слякотной столице,
В карнавале снов и грез,
Повстречал тебя, царица,
Хоть украл, да не унес.
Миг волшебный и случайный,
Призрак всех былых побед,
А потом –
Рассвет печальный

Да отчаянный побег.
Не живется вольным птицам
В душевной суете столиц,
Где вокруг тебя клубится
Хоровод протертых лиц.
Славно пишется и спится
В стороне лесной, глухой –
И начальства не боишься
И не маешься душой.

(третье письмо)

Был отдан год
На промысел любви.
Весна была полна
Страстносмятенья.
И было все:
Терпенье и томленье,
Нелепое волнение
В крови.

Был отдан год
Чарующим ночам,

Когда струился свет
Прохладой томной.
И что-то там
Нашептывали волны
Твоим ногам,
Моим босым ногам.

Был отдан год.
И лютовал январь,
Февраль грозил
Бесчестием, разлукой.
Март наполнялся
Новым свежим звуком.
Апрель твердил, что
Будет все, как встарь.
Май к нам пришел,
Сомнением гоним.
Июнь дарил спокойную прохладу.
И казалось,
Будто так и надо.

Июль был обходителен и мил.

А дальше год, что

Отдан был любви,

Пыхтя перевалил за середину.

И гроздья тучные

Красавицы рябины

Нам говорили:

Нужно ждать зимы,

Она вот-вот пожалует,

Придет.

Она придет, а год, увы,

Минует.

Минует год

Прощальным поцелуем.

Бог весть, когда придет,

Когда опять придет.

В ту ночь мы не смыкая глаз

Курили, спорили, ругались.

Мы пили крепкий чай,

И нас
Псы мохноногие боялись.
Они, прищуривая глаз,
С ворчанием,
Глухим и злобным,
В упор рассматривали нас.
Горел костер среди сугробов.
Мы вспоминали, как вчера
Под крики громкие: «Ура!»,
Чуть приподнявшись над землей,
Плыла, подрагивая, вышка,
А наш прораб – на вид мальчишка –
Ордой командовал стальной.
Потом он долго жадно пил
Из кружки воду ледяную,
Копну волос его седую
Жестокий ветер не щадил.
Затем прошла команда «Стоп!»,
Как нервы тросы натянулись,
Носами тракторы уткнулись

В гигантский ледяной сугроб.
Сбывалось все, о чем вчера
Мы говорить-то вслух боялись,
Над чем отчаянно смеялись
Псы у вечернего костра.
Но показался наш КамАЗ,
Путь освещая ближним светом,
И стало ясно, что к рассвету
В поселок он доставит нас.
В башке была белиберда,
Мы были без хмельного пьяны.
А на рассвете – телеграмма.
И текст – как выстрел от бедра:
«Встречай! Я приезжаю!
Анна!»

Из письма Гомерчика к режиссёру

Ну, вот и всё, поэмы Вы прочли.
И где же тут прогнозы, где угрозы?
Так вешние грохочущие грозы
Немедленно велят одеть плащи.
А что, поэмы – в споре аргумент?
Да, вы ещё скажите – очень веский.
И призовите быть предельно честным.
Велит, мол, исторический момент
Да, правду нужно высказать в лицо,
Пусть горькую, но всё же лучше правду.
Но только ведь меня назначат главным
Клеветником, и даже подлецом.
У нас ведь очень любят назначать.
Кого врагом, ну, а кого героем.
Я знаю, и для Вас большое горе –
Всё понимать, всё видеть и молчать.
Порою просто хочется кричать.
Но только кто услышит
Нас с тобою?

Нас двое, хорошо, возможно – трое.
И что мы можем? Спор наш продолжать?
Одна беда, что этот разговор
Стать может безграничным, бесконечным.
Мы так и отойдём,
Мой друг сердечный, в вечность.
А над страной поднимется топор.
Но будут говорить и говорить,
Подобно нам, те, кто придут
За нами.
Так может не словами, а делами
Пора страну в порядок приводить?
Ну, вот и всё.
Был нашей встрече рад.

*Гомерчик,
сургутянин, демократ.*

Глава 5

Жизнь быстротечна

*Районный отдел культуры с прискорбием
сообщает о безвременной кончине
руководителя народного театра,
режиссёра и драматурга господина Гомерчика.
(Ефима Семёновича Слободкина).*

*На гражданскую панихиду
приглашаются все желающие.
Из сообщений в местной прессе.*

Монолог первого друга

Как ты и я,
Он долго жил в Сибири.
Он слишком много пил
И мало спал.
Никто нам не расскажет
В целом мире,
Какие клады здесь он
Откопал.
А про себя рассказывал он сказки
И проповедовал
Суровый аскетизм.
Под добродушно-ласковой
Маской
Скрывал он свой тяжелый
Эгоизм.

Он нес в народ,
Но тот его не понял,
Тогда с тоски

Понес он на народ.
Надеялся – таким его запомнят,
А получилось все наоборот.
И продолжал
Рассказывать он сказки
И проповедовать
Суровый аскетизм,
Но под привычно-ласковой
Маской
Все тот же был
Тяжелый эгоизм.
И вот финал:
Алкоголизм и сырость.
Такое вот нелепое «кино».
И прах надежд,
И нашей жизни низость.
Большой подвал
И старое трюмо.
Так кто ж он был?
Понятно – неудачник.

Мечтал о чем-то,
Что-то сочинял.
Он пропадал,
Зимою жил на дачах.
Кого-то он любил,
Страдал, мечтал.
О чем мечтал?
Представить это трудно.
Все очень зыбко –
Дымка, легкий флёр.
И вот затих – навеки,
Беспробудно –
Неисправимый плут и фантазёр.

Что он оставил нам?
Привет прощальный –
Кипу
Исписанных, исчерканных
Листов.
Вчитаемся:

«Печально шепчут липы
Простую песню из неясных слов».
Вчитаемся:
«Опять зовет дорога.
В ней версты сшиты
На живую нить.
Опять зовут рассветы – недотроги.
И хочется искать, любить, творить».
Вчитаемся:
«Исполним долг последний –
И пусть не по заслугам эта честь».
Вчитаемся:
«Ведь есть такое мнение,
Что жизнь прожить –
Не рукопись прочесть».

Из осиротевшей рукописи:

Молитва

Не дай Господь
Смешать вино с вином!

Но кто смешать, скажите, помешает?
Ведь милостив Господь, и нас прощает.
Но есть ещё Великий Метроном –
Как холодно Он нас
Оповещает,
Что все мы не своим путём идём,
И пить вино при этом
Поощряет.

Не дай Господь
Смешать вино с вином!
Вины своей вином нам не испить,
Не утолить греховности познания.
А за грехи приходится платить.
Платить и пить,
Пить и опять платить.
Стезя земного вечного страдания.
Судьбы беспечной
Рвущаяся нить.
Мы тщимся нить, как душу, сохранить.

Так смертник ждет желанного исхода,
Так раненый
В бреду беззвучно просит пить,
А красота последнего восхода
Безумно заставляет жизнь любить.

Вина Вийона? Горький смех Рабле?
Об этом можно очень долго спорить...
От пиршества мы движемся к петле.
Хохочем, чтобы скрыть гримасу боли.

Над чем смеяться днем,
Всегда найдем.
А по ночам рыдаем еле слышно.
Мы движемся сквозь хмурый строй веков.
Сюжет сей, к сожалению, не нов –
Он вызывает скуку и одышку.

Но всякий раз
Тот беспощадный смех

На пепелище веру
Возрождает.
И нас в далекий
путь благословляя,
Дарует истину одну –
Одну на всех.

Грядущую спасаем красоту.
Так на груди солдат спасает знамя,
Блудницы свято верят в чистоту,
А мы – в свое высокое призванье.

Мудрец так презирает суету,
Так на ветру в ладонях прячут пламя –
Его проносим мы сквозь темноту,
Сквозь толщу поражений и страданий.

Мы корку истины всегда грызем тайком,
А глупости пирог на всех поделим.
Что тут поделывать? Наш удел таков.

Мы терпим и молчим, молчим и верим.

К отплытию готов Корабль дураков.

Мы прячем сокровенное в кубышку.

Колпак шута нам тяжелей оков.

О мука – хохотать без передышки.

Но есть на этой горестной земле

Вийона правда, строгий суд Рабле.

Реплика второго друга

Вот так,

Ни больше и ни меньше,

Презрев комфорт, чураясь женщин,

Он нам указывает путь?

И пусть оспорит кто-нибудь.

Но с вами мы его жалеем,

А получается на деле,

Что это он мудрее нас.

А вот еще его рассказ,

Записанный при лампе тусклой.

Он, ни весёлый и ни грустный, –
Дитя летящего пера.
«Сибирь. Бессонница. Жара...»

Из осиротевшей рукописи:

Сибирь. Бессонница. Жара.
Орущий рой кровососущих.
Ночь коротка.
Рассвет бегущий
Погасит отблески костра.
Июль – блаженная пора.
Вершина года – царь природы.
Но вдруг вуаль подернет воду.
На миг. С рассвета до утра.

На миг.
И снова буйство лета.
Но тут
Невидимым стилетом

Пронзит изящный ветерок.

То дождь падет,

Внезапный, зябкий,

То у брезентовой палатки

Вдруг станет пузыриться

Бок.

Ага,

Уж август на порог.

И сразу станет все

Иначе.

Дожди прольются.

И заплачут

Густые, тучные луга.

И первые взойдут стога.

Роса на травах потускнеет.

Лист на березах пожелтеет,

И мелко-мелко задрожит.

В чащобах филин заблажит,

Заухает, запричитает.

Чудес, однако, не бывает.

И август мирно догорит.
И отойдет.
И обретет
Сентябрь богатое наследство
Лишь для того, чтоб с легким сердцем
Его безбожно промотать,
Оставив октябрю немного.
А тот, святая недотрога,
Барчук, остывшая зола,
Сметет со скудного стола
В ладони ноября лишь крохи.
Здесь можно ахать,
Можно охать,
Но нищим первую зарю
Встречать придется декабрю.

Увы, декабрь родится нищим.
Возможно, кто-нибудь отыщет
В том некой высшей правды свет,
Но логики тут явно нет.

Есть то, что все зовут судьбой.

Она ведет нас за собой –

Тех, кто родился в декабре.

Все было: и мороз, и снег,

И вьюга бешено крутила.

Надсадно и протяжно выла

Она в озябших жерлах труб.

В свой незатейливый тулуп

Земля привычно одевалась.

А что еще ей оставалось?

Спокойно ночи коротать,

Лелеять лепесток надежды

И знать, что будет все как прежде,

Лишь надо научиться ждать.

Хор друзей

Ждать – это хитрая наука.

Порой не то что детям – внукам

Её не можем преподавать.

Свои мозги другим не вставишь,
Но ничего здесь не поправишь,
Так что не стоит горевать.
Зато не смогут перенять
Те, из грядущих поколений,
Ни нашей глупости, ни лени.

Но продолжаем мы листать
Одну страницу за другою.
Лишила рукопись покоя
И не даёт всю ночь уснуть.
Горит в полнеба Млечный путь –
Точь-в-точь так было той зимою,
Когда с мятежною душою
Не смог Гомерчик совладать.
Наверно, он устал встречать
Пустые серые рассветы.
И произнес:
«Себе и свету я что-то должен
Доказать!»

Неважно что.
Решил бежать
Прочь от родимого порога.
И вот – железная дорога,
И поезда не долго ждать.
Продолжим рукопись листать...

Из осиротевшей рукописи:

...И быстрые шаги мои
Легли на полотно перрона.
Как одинокая ворона,
С забора я взлетел...
Ни зги –
От перегона к перегону.
Тепло плацкартного вагона.
Усталость.
Первый робкий сон.
Но сон за ним придет глубокий...
Уединенность верхней полки,

Заиндевшее окно,
Что до весны закрыто прочно.
Внизу сосед во сне бормочет.
А что?
Не все ли нам равно...

И было утро.
Как всегда,
Свершая утренний обряд,
В вагоне мылись, брились, ели.
Знакомились.
В окно глазели.
Играли в карты.
Я читал.
Никто мне сильно не мешал.
Внизу господствовала лень.
Просили чаю тут и там.
Шел проводник,
Его степенность была под стать его летам.
И нес он чай –

Легко и быстро.

О подстаканник серебристый

Слегка позвякивал стакан.

За чаем, да ещё в дороге,

Вязался разговор:

О Боге.

О ценах, что, увы, растут.

О том, каков лентяй и плут

Стал человек.

Что он не глуп,

Но жизнь играет с ним в «орлянку».

От полустанка к полустанку

Судьбы моей

Ложился путь.

И что в дороге не услышишь!

Все б записать.

Да как запишешь?

Лишь только вытащишь блокнот,

Как мигом закрывают рот.

И что-то злобное во взгляде –
Наверно, оттого, что знают:
«Мысль изреченная есть ложь».
И тут уж их не проведешь.
Здесь люди раскрывают душу.
Охота слушать – сядь да слушай.
А ты их души – да в блокнот,
Блокнот в карман.
И вот в кармане – любовь чужая,
Боль и раны,
Чужое счастье,
Смех и слёзы.
Здесь все – поэзия и проза,
Все, чем у нас душа полна.
Душа жива, пока вольна,
И умирает по карманам.
Допили чай и по стаканам
Разлили красное вино.
Садилось солнце. А в окно
Стучался луч его последний,

И разговор моих соседей
Стал понемногу затихать.
«Всё б записать, всё б записать» –
Настойчиво в мозгах стучало.

Монолог третьего друга

Не правда ли,
Как все знакомо?
Вот так когда-нибудь
Из дома
Всем доводилось уезжать.
Искать, надеяться, терять.
Слать переводы,
Телеграммы.
И ждать письма. Письма
От мамы.
Здесь ни добавить, ни отнять.

Всем нам знакома эта повесть.

И был у каждого свой поезд,

Чужой заплеванной перрон.
И постовой, седой и хмурый,
Ведущий летопись свою.
И бесприютные фигуры,
Бредущие навстречу дню.
И знали множество историй
И мы,
И те, кто рядом был.
Одни я просто позабыл,
А эта не дает покоя.

Из осиротевшей рукописи:

Город

Город оделил людей работой –
Каждому по ломтю с каравая.
Нашим домом, хлебом и заботой
Северная стала буровая.
Мы шивались долго, тяжело.
Кто не приживался – уходили.
Их не вспоминали.

Их забыли.

Быстро, основательно и зло.

Вспоминались голодно и трудно

Дом, любимые.

Кипение садов.

Улицы родимых городов.

Всё глушилось пьянством беспробудным...

Помогло ли?

Нет, не помогло.

Наш бессменный мастер

Матом русским

С хрустом изгонял из нас похмелье.

И сменялась утром

Накипь грусти

Озорным отчаянным весельем.

Было всяко.

Рокот первых вахт,

Бешеных часов ревущий ритм.

Пот в глазах, а иней на бровях.

Буду помнить,
Сколько буду жить.
А в треклятый каторжный мороз
Лопнул трос и накренилась вышка.
Был аврал.
Партком чинил разнос,
Важная срывалась передвижка.
Как помбур с площадки верховой
На ремне спускался по растяжке,
Как взлетали трубы над тобой.
Вспоминать и то такое
Тяжко.

Но не только это помним мы.
Помним мы и радостные дни.
Память непременно сохранит
Нашей дружбы северной
Гранит.
И фонтанов мощное рычанье.
Кладовых подземных глубину

Мы взрывали,
Чтобы их дыханьем
Отогреть продрогшую
Страну.
Это было больше, чем открытие:
Радости прозрения хлебнув,
Шли мы после вахты –
Все великие! –
Подняв головы и плечи
Развернув.
Шли мы после вахты,
А потом
Каждый шёл уже
Своим путём.

Стал бессменный мастер депутатом,
Растолстел, купил на юге дом.
Верховой был даже «под судом»,
А потом известным стал магнатом,
Бизнесом владеет нефтяным.

Но приехал, свиделись и с ним.
Скорбный случай нас опять собрал.
Лампа тусклая, трюмо, полуподвал.
Рукопись. И лист её последний.

Из осиротевшей рукописи:

Живешь, как малину воруешь.
И сладко, а все не твое.
Гуляешь, бузишь, озоруешь.
Такое житье-питие.
Что пропито – то не воротишь.
Короткий и грустный рассказ.
А ты все торчишь в подворотне,
И слух напрягаешь, и глаз.
Что будет – того не минуешь.
Иного, увы, не найдешь.
И будто в отместку целуешь
Другую.
Кому же ты лжешь?

Ну что же? Все верно и точно.
И точку поставит беда.
Допишешь последнюю строчку,
А прочее все – ерунда.
В наряде суровом и строгом
Уйдешь без тревог и страстей
Туда, где ни чувства, ни долга,
Где нет ни гостей, ни вестей.
Все будет светло и сурово.
Под шелест вселенских часов
Твое неразменное слово
Застынет на чаше весов.
Всевышний слегка улыбнется
Под взмах удивленный бровей,
Когда эта чаша прогнется
Под тяжестью ноши своей.

Глава 6

Из записных книжек автора

Опять разжалован в пажи,
Опять прощен, но не обласкан.
За то, что дивной зимней сказкой.
Мне показалась эта жизнь.

Свежо!
Пронизывает дрожь,
Долдонит дождь
Заумный, длинный.
Жизнь прожита,
До половины.
Такая же, как этот дождь.

У старой капризной кошки
Кормушка пуста.
Хозяйка утратила страх
И не ловит мышей.

Я пес у Ваших ног.

Нет!

Шкура пса.

Похолодало!

Стынет стих в стакане.

Боец, суровый викинг, вождь.

Дрожал, как желтый лист на ветке.

Шептал,

Так шепчет юный дождь.

А утром пел, как птица в клетке.

Утром сантехник, страдая похмельем,

Пристально смотрит на тёмную воду.

Так постигается смысл бытия.

Утром чиновник, страдая похмельем,
Пристально смотрит на лист белоснежный.
О, вопиющая несправедливость.

Пельмени, яичница
Горы немытой посуды.
Со скрежетом жизнь заползает в свою колею

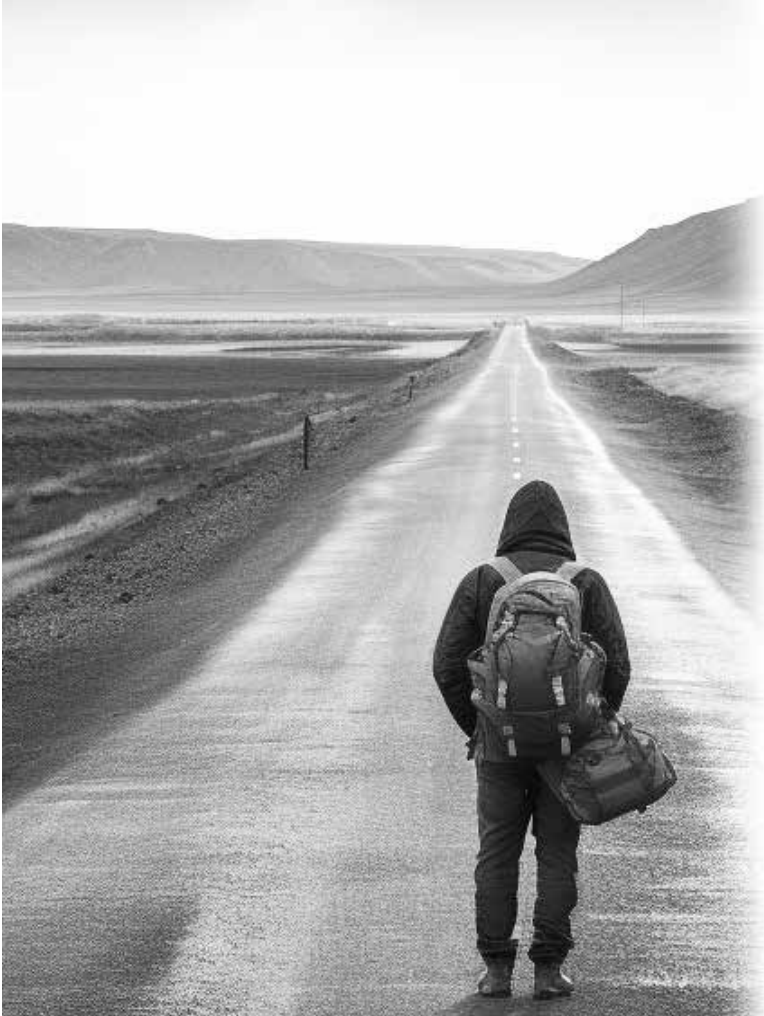
В мыслях порядок.
Не чувствуешь вес рюкзака.
И дорога уже не дорога, она превращается в
Путь.

Штиль на море.
Едва шевелится косая бизань.
А трюмные крысы почему-то бегут с корабля

На нос напоздает величие.

Грудь в орденах и медалях.

Жив ли ещё. Об этом не помнит никто.

Метро

1

Эскалатор – лестница жизни.

Вот она стремится вверх,

Вот она стремится вниз.

А мы – каждый на своей ступеньке.

2

Лестница жизни

Несется вверх.

Лестница жизни

Несется вниз.

В августе на бриллианты низкие цены.

3

Лестница жизни

скользит вниз.

Мы стоим и спокойно

Ждем своей очереди

И только самые молодые

И нетерпеливые

Бегут по ней.

4

Лестница жизни,
Идущая вниз, доставила нас
К платформе.
Уже мы слышим шум поезда.
Так шумят воды
Подземной реки Стикс.

5

Требуются ученики
Машиниста тепловоза.
Кому-то в дальнейшем
Нужно будет возить пассажиров
По бурным водам
Подземной реки Стикс.

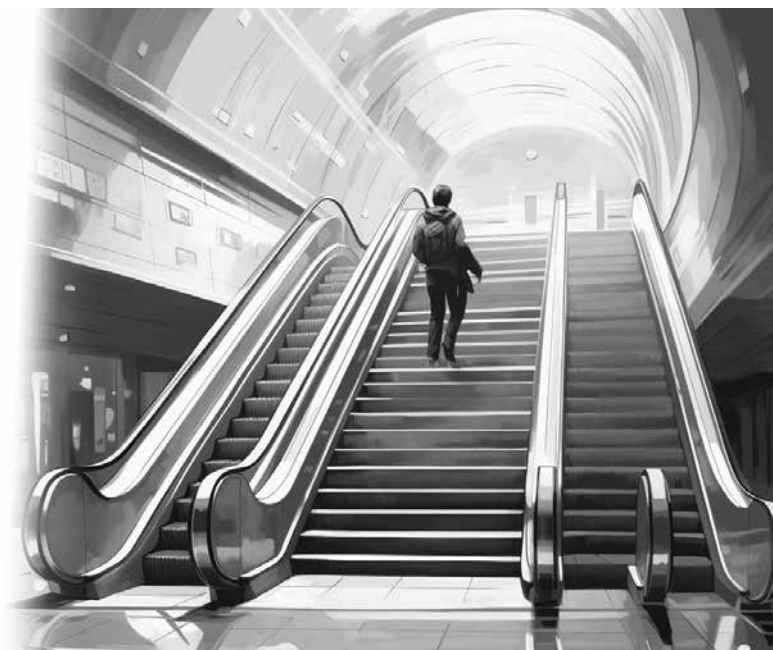
6

Лестница жизни,
Идущая вниз,
Доставила нас к платформе.
Поезд перевозчика Харона подан.
Но он идет лишь до следующей станции

А оттуда
Лестница жизни
Снова устремляется вверх.

7

Лестница жизни.
Стремится вверх.
Куда?
К выходу из метро.
Где снег, дождь, слякоть
Привокзальное торжище.

По грибы

1

Стихи писать, что грибы собирать.
Вот строчка нарядная, как сыроежка.
Вот слюнявая и скользкая, как масленок.
А вот гордая и ядовитая,
Как мухомор.
А вот упругая, мощная и душистая
В ней достоинство и благородство
Белого гриба.

2

Флиртовать с женщинами,
Как грибы собирать.
Одна – доступная и нарядная
Как сыроежка.
Ее и готовить особо не надо.
Другая – слюнявая и скользкая,
Как масленок.
А вот – упругая и душистая.
В ней все достоинства белого гриба.

Такие и встречаются-то, может быть,
Один раз в жизни.

3

Получается интересное выражение:

Стихи = грибы, грибы = женщины.

Его можно упростить:

Стихи = женщины.

При упрощении получилась банальность.

А не надо упрощать.

И тогда получается интересный ряд:

Стихи – грибы – женщины.

И то, и другое, и третье вначале собираешь,

Затем жарешь, солишь, маринуешь, сушишь.

Нанизываешь на суровую нить.

Эта нить – твоя судьба, твоя жизнь.

Из Акимова

Стакан столкнулся о стакан,
Жужжит назойливая муха.
А я сажу, пишу диктант –
Его мне шепчет Бог на ухо.

Анти Пушкин

Я Вас люблю, но коль взбешусь,
Тогда ваш труд и стыд напрасны.

Иных уж нет, а тех не лечат.

Анти Грибоедов

Попьянствуешь,
Воротишься домой
И дым Отечества и сладок, и приятен.

Анти дедушка Крылов

Опохмелиться не успеешь,
Как зима катит в глаза.

Анти Солженицын

В круге первом – узком.

Анти Чехов

В человеке хоть что-нибудь
Должно быть прекрасно:
Если не душа, то хотя бы одежда,
Если не тело, то хотя бы мысли.

Анти Лермонтов

И какое до всего этого дело мне,
Странствующему Агасферу,

Да ещё с подорожной по казённой
надобности.

Об истине и правде

Сегодня никого не интересует истина,
Все заняты поисками правды,
А правда у каждого своя:
«Тюменская правда»,
«Правда Украины»,
«Ленинская правда» и т. д.

О награде

Из одного ведра нальют
Тебе за подвиг и за труд.

О славе.

Слава – вдова творца.

Из настоящего

Есть множество льгот и привилегий,
Доставшихся нам от проклятого прошлого.

Плоды приватизации

Узок круг этих акционеров,
И страшно далеки они от народа.

О бессмертии

Чтоб стать бессмертным,
Надо умереть.

О всеобщем равенстве

Что такое всеобщее равенство?
Это такое выражение, где каждый из его членов
В конечном итоге равен нулю.

О стерве

Стерва – это брошенная муза.

Экономика

Акционерное общество закрытого типа,
Строгого режима.

За что боролись, на то и живём.

Лица с высшим и незаконно высшим
образованием.

Вначале было слово,
Затем дело, а затем –
Уголовное дело.

А мысль произнесённая есть ложь?
А не произнесённая – есть правда?
Да, так удобно тем, кто нами правит.
Всё могут обратить в пустой галдёж.

В день зарплаты

Каждый пятый в день зарплаты
Обновляет гардероб.
Остальных, четыре пятых,
Просто так положат в гроб.

*По поводу очередного не присуждения
мне Нобелевской премии*

Теперь я спать могу спокойно,
Я знаю – прожил жизнь не зря,
Коль среди множества достойных
Один лишь недостойный – я.

О вечном

Немудрено стать пророком
В стране ассенизаторов.
Ты попробуй стать хотя бы ассенизатором
В стране пророков.

Массажистка

В массажистке было что-то от Девы Марии.
У неё были жёсткие железные пальцы.

Гинеколог

По утрам от гинеколога разило
Непорочным зачатием.

Все муки ада
У нас за МКАДом.

А море негодует и штормит,
Маяк со скал всё сбросить норовит.
И слышно в рокоте: «Да что он – самый умный?
И по какому праву здесь стоит?»

Античный храм названия менял,
Внутри него менялись изваяния.
Но только храм стоит так, как стоял.
Как видно, дело вовсе не в названии.

В былые годы мы слагали панегирики
О нём, как о великом тонком лирике.
Но если нынче перечесть его берёмся,
То там, где плакали, мы там теперь смеёмся.

Полагали, что судьбой
Можем править мы с тобой.
Да, ни много и ни мало.
Но судьба нас просчитала.

О пьянстве

Господи, да сохрани бытового пьяницу.
Если пьяница сопьётся, что с Россией станется?

Карьерный рост.

Уполномоченный по правам человека,
Опер уполномоченный по правам человека,
Старший опер уполномоченный по правам
человека.

О выборе пути

Люблю я наш особый русский путь,
Авось он приведёт куда-нибудь.

Ещё одно последнее сказание,
И всем нам не уйти от наказания.

От Ленки

Сказала Ленка: «Нет у нас нетленки,
Макулатура всюду правит бал.
Сиди, строчи шедевры на коленке,
Спешу успеть, чтоб не пропал запал».

О вечном

Видит Б-г,
Да видит Б-г,
Что я сделал всё, что смог.
А чего не видит Б-г,
То и я того не смог.

А напоследок я скажу:

– Проспись, любить не обязуйся.
Опохмелись,
А я схожу за новой порцией безумства.

О мыслях

Кто ясно мыслит – ясно излагает,
Но это никому не помогает.

О повседневном

Каждый что-то продаёт,
Каждый что-то покупает.
Может быть – наоборот?
Этого никто не знает.
Каждый ждёт, что час придёт,
Солнце в небе засияет,
А быть может, дождь пойдёт –
Этого никто не знает.
Непонятен он для нас,
Этот наш заветный час.

Господин Сургут Великий.

О детях

Мальчик Данилка на крыше живёт,
Мальчик Данилка Карлсона ждёт.
Он электронной поверил дурилке,
Плачет, не ест и не спит, и не пьёт.

Мальчик Егорка с прогулки пришёл,
Долларов пачку мальчик нашёл.
Он их в сортире потом утопил,
Крепко Отечество мальчик любил.

Жил – служил. (Эпитафии)

Жил – служил, оставил мемуары.

Жил – служил, оставил мемуары
Помниться, что был лихим гусаром,
На Сенатской голову сложил.
Жил – служил.

Мы начинаем краски сочетать,
Знак вечности пытаюсь отыскать.
Сапожник в будке просто чинит обувь.
Ему на наши поиски плевать.

Утром наш хозяин зоны
Был объявлен вне закона.
Долго возмущался он:
«Как же так? Я сам – Закон!»

Убеждали нас лгуны:
«Вы – хозяева страны!»,
Но потом, как оказалось,
Что хозяева – они.

Он всё рассказывал супруге,
Что жизнь прожить хотел на Юге,
Но встретил славный юбилей
У грозных северных морей.

Универсальная эпиграмма

Он пишет много и давно,
Но всё равно – одно говно.

В обнимку с классиками

«И последние станут первыми...»

И последняя жена станет первой вдовой.

Люблю за то, что ты строга,
Когда клеймишь чужое б***ство.
И забываю я тогда: мои рога – моё богатство.

Дамы с миною «Не дам»,
Гордо ходят по рядам.
Но давно никто не просит
Ничего у этих дам.

О Родине

Это неверно, когда говорят:

Родина – это то место, где человек родился.

Родина – это то место, где человек хотел бы умереть.

Про это

Дедка девку закадрил,

Дедка девку в парк водил.

Девка дедке не дала,

Лишь на «бабки» развела.

Из Л. Филатова

Мне бы шашку иль коня,

Мне б на линию огня...

А на грядках жопой кверху –

Это всё не для меня.

Надгробье

Читатель, здесь писатель некий спит.

Увы, ничем он не был знаменит.

О народе

Народ безмолвствует –

Ему не привыкать.

О разном

От юбилея к юбилею

Я всё тупею и тупею.

О графоманах

Графоманы насиловали читателя, насиловали

Да так и не изнасиловали.

Что с них взять? Импотенты.

В деревне нынче можно жить,
Но только с крепостными.

О себе, любимом

С кем ты разговариваешь?
Сам с собой.

Неужели из всех моих собеседников
Я – самый недостойный.

Диагноз

Свистопляска святого Витта.

Плач правителя

Такой народ –
Не пожелаешь и врагу.

Мы свой ум привыкли славить,
Широту воображенья,
Оказалось, кто-то правит
Нами с самого рожденья.

Мне сказал один мудрец:
«Ты – судьбы своей творец.
Натворит такого можешь,
Что придёт тебе конец».

Неделя безделья, неделя веселья...
А после, ужасно страдая с похмелья,
Мечтаешь, свою подавляя зевоту,
Скорее, скорее, скорей – на работу.

Шторм обрушился на берег
И не стало двух Америк,
Смыл Гренландию с Канадой –
Все подумали: «Так надо».

Глазунья – это яичница из двух глаз.

Про него

У него не было ничего,
Только алкоголизм и жизнь.
Одно другому сильно мешало
Он умер, и все проблемы решились сами собой.

О жизни

Что есть наша жизнь,
Как не способ её проживания?

Правый бок у фрекен Бокк
Не по делу занемог.
Даже выйти за порог
Ей мешает правый бок.

Указ

Считать эзопов язык – государственным.

Лавины – от слова «лавэ».

О Тюмени

Не всем же жить в столице деревень.

О судьбе

Захотелось, играя, судьбу изменить,
Но судьба презирает подобные игры.

О поэтах

Поэт из Ханты-Мансийска –
Звучит, как оскорбление.

О словах

Всю жизнь мы жаждали услышать эти слова.
В лихорадочной погоне за ними
Натыкались на обманки.
Изверившись, уже не могли отличить
Подлинное от фальшивого.
Так продолжалось до тех пор,
Пока мы не услышали эти слова
В их первозданной чистоте от собственных
внуков:
«Дедуля (бабуля), я люблю тебя».

Почти из Писания

И был дан тебе День,
И была дана тебе Пища.
Что сделано, то сделано.
А что не сделано, то не будет сделано уже никогда.
И ничего уже не исправишь.

Еще раз о словах

Есть два слова,
Которые очень точно характеризуют нашу
эпоху:
Это слово «кайф» и слово «стресс».
Что интересно – оба слова иноязычного
происхождения.

Игра

Предложили нам игру,
Русь позвали к топору.
А закончилась игра –
Ни Руси, ни топора.

Что же нам остаётся?
Негромко спиваться.
Всё, что было, что будет...

А – всё ерунда.

Больше не во что верить,

Больше не за что драться.

Безнадёжно утеряны цель и судьба.

За гранью

Всё это не касается меня.

И всё, что было –

Где-то там, за гранью.

И цвет твоих очей, их тьма и глубина.

Всё это не мои, увы, воспоминания.

О нас

Служил, сидел, пил, лечился...

Вылечился!

Стал зарабатывать, заработал.

Купил квартиру, машину и дачу.

Воспользоваться не успел. Умер.

Лозунг на грязелечебнице:

«Из грязи – в князи».

О здоровье

Здоровый образ жизни нужно вести для

того,

Чтобы умереть без мучений.

Финно-угр.

Угро-финн.

Наступил он на графин.

А потом ушёл в запой

И доволен сам собой.

Почти по Стругацким

Трудно плыть боком.

А на свой неизбежный финал
Он с достойным глядел оптимизмом.
Сожалел лишь о том,
Что любимой Отчизне
Слишком много при жизни отдал.

Отправляясь в дальний путь,
Что-то взять не позабудь.
Вот бы знать, что это «Что-то»,
Не было б у нас заботы.

Усердно,
Так, чтоб раз и навсегда,
Он из себя выдавливал раба.
Однако же успеха не добился.
Чего давить, когда таким родился.

Утром встанешь, захочется в море.
Вдруг окажется – моря-то нет.
И тогда, задыхаясь от горя,
Ты отправишься в ватер-клозет.

Про чтение

Все очень заняты собой,
Чтобы читать других.

Что в лоб...

Не целься в лоб другому,
А не то – попадешь себе по лбу.

Депрессняк

Попадает через ухо
В мозг старуха-депрессуха.
Жить страшнее и страшней
От последних новостей.

Надгробье

Захлебнулась от счастья

О вранье

Если начинаю врать,
Мне не надо помогать.
А поверить в то несложно,
Потому как вру безбожно.

О риске

Хоть всю жизнь он рисковал,
Но финал – лесоповал.
Не было у парня папы
С мощной и мохнатой лапой.

Анабиоз

Впадаю я в анабиоз.
И растворяюсь, пропадаю.
Чего-то важного не знаю,
Но нужно ли? – вот в чём вопрос.

Гедали

Как вам дали, Гедали?

Ну, дали и дали.

Пожалей Г-дь еврея,

Кто ж ещё нас пожалеет.

Богоизбранный народ

Б-гу душу отдаёт.

Книгочей по кличке: «Чайник»,

Пленник сладостных ночей.

Был он сам себе начальник

И профессор кислых щей.

Фраза

Без Христа не было бы и выкреста.

О звездах

И приближается Нибиру.
Летит себе, ни дать, ни взять.
И вот ни граду, и ни миру
Уж больше нечего сказать.

Итог

Только приступы усталости
Принесли нам наши шалости.

Замечаешь, что время идёт.
Огурцы созревают на грядке.
А на ветке неспешным порядком
Наливается зрелостью плод.
Видишь то, как ребёнок растёт,
Из него прут с восторгом вопросы.
И немного шокирует взрослых

С уст слетевший крутой оборот.

Жизнь уходит, а время идёт.

Мы оставляем в спешке навсегда

Любимые когда-то города.

Где нас вначале помнят, любят, ждут.

Ну, а потом, увы не узнают.

Лужёной глоткой мир не удивить.

И криком нам его не изменить.

От крика громкого останется лишь эхо.

В горах ему совсем недолго жить.

Не ешь, не спишь – себя великим мнишь.

Со всеми ты сквозь зубы говоришь.

Однажды ты узнаешь свой диагноз.

Со свистом сразу в бездну улетишь.

Разбогател, шагал по головам.
Лгал беспробудно, нагло воровал.
Но говорят: «У гроба нет карманов».
Однажды умер – сразу нищим стал.

За стихами в соцсеть мы идём.
Секс же только по телефону.
Принимаем такие законы,
Что до пенсии не доживём.

Он стал Апостолом
И много сотен лет
Он дарит нам любовь, тепло и свет.
А между тем был местным рыбаком
И слыл среди соседей... простаком.

Пришли к нам и сказали: «Все свободны».
Пусть этот буден беден, тот богат.
Бедняк нам не товарищ и не брат,
Нас пусть рассудит суд международный.
Но не сказали ни ему, ни мне,
Что бедных будет семь восьмых в стране.

Сады в долине заложив,
Плодов он не успел отведать.
Но внуки вспоминают деда
При сборе яблок, груш и слив.

Ты будь готов к тому, что все твои труды
Перечеркнут с елейною улыбкой
Твой первый ученик, твой поклонник
пылкий.
Вот твой тяжёлый крест, твой вечный знак
беды.

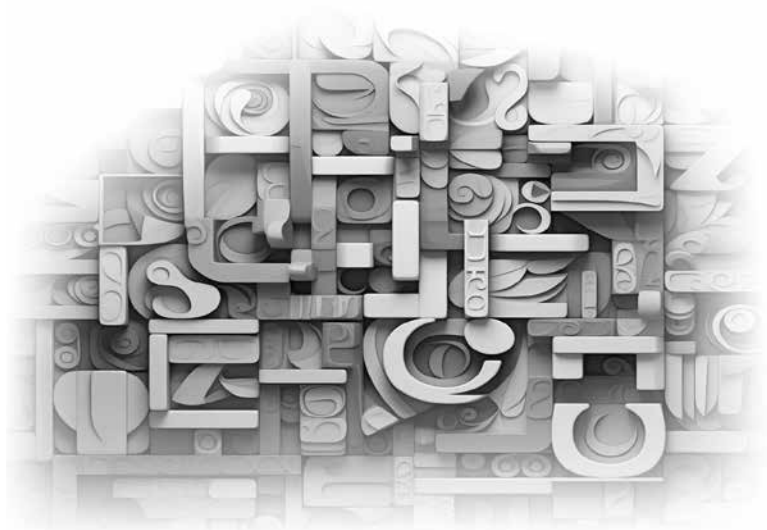
Искал он малое в большом, а отыскал
Большое в малом.
И только тут понятно стало
Куда он шёл, к чему пришёл.

О помидоре и не только

Он долго собирался, долго зрел.
И забурел, и даже покраснел.
Но есть на этом свете фитофтора.
Он это не учёл и почернел.

Все твердили: «Он большой художник
Бескорыстно служит красоте».
Оказалось – просто выпендрёжник.
И не скажет слова в простоте.

Сказать так слово в простоте,
Чтоб отозвалось аж в простате!
Тогда всё будет к месту, кстати.
Тогда – фиксируй на листе.

Ты очень хочешь вспомнить тех,
С кем некогда делил успех.
Но вот они тебя не помнят,
Для них ты – прошлогодний снег.

Под бременем большой беды
Он волочил свои подтяжки.
Вначале было тяжело, страшно.
Спасал глоток святой воды.

Он научился малым обходиться,
Лишь для того, чтоб только жить в столице.
И за других он думал и писал,
Случилось – заработал много денег.
Но вот о том, что был он просто гений
Никто на белом свете не узнал.

А есть у нас ещё частушки,
Ну чем тебе не рубаи?
Слова, бывает, режут уши,
Но проникают прямо в душу.
Всегда понятны и свои.

А может быть, не стоит убеждать
Твоих друзей, что ты талантлив тоже?
Кто знает? Может, это и поможет
Тебе удара в спину избежать.

Иной такое с умным видом говорит,
Что стыдно нам за этот самый вид.
Здесь подается всё с таким апломбом,
Что просто побоишься повторить.

Рассказывать всем надоевшие байки
Про сырость в траншее, о грязной фуфайке.
О теплом, почти лучезарном рассвете.
А может быть, хватит?
Давно ведь не дети.

Мы свысока глядим на Запад.
И не указчик нам Восток.
Степной вдыхая терпкий запах,
Мы встали у семи дорог.
Идём направо – песнь заводим.
Налево – сказки говорим.

Есть чудеса и леший бродит.

И тем живём, на том стоим.

Когда с утра трель звонкая не вьётся.

Травинка ни одна не шелохнётся.

Когда молчит суровый бог войны,

Оглохнуть можем мы от тишины.

Тот лихоимец, тот злодей

Стоят у ног начальства раком.

Чем больше узнаю людей,

Тем больше хочется к собакам.

Вот захотел ты прыгнуть выше всех.

И ты уверен – ждёт тебя успех.

Но выше головы, увы, не прыгнешь.

Всё остальное просто смех и грех.

Слывёшь среди болванов мудрецом,
Средь мудрецов считаешься болваном.
Тебе придётся поздно или рано
Ответить – кто же ты в конце концов.

Тебя, конечно, будут убеждать
Не торопиться, «выучиться ждать»
Но только ты заводишь свой хронограф.
Есть время жить, есть время умирать.

А вот вкрутую сварено яйцо,
А вот ещё есть водки полстакана.
Тебе придётся поздно или рано понять:
За что же пьём в конце концов.

Часто слышу: «Много дел
Ничего не успеваю».
А пшеница созревает,
К осени птенцы летают.
Плод на ветке сочен, спел.

Всю жизнь мечтая о свободе,
Рисуя свой особый путь,
Мы восседаем в огороде,
Боимся пальцем шевельнуть.
И все крепки умом мы задним,
Умеем долго запрягать,

А время, быстрокрылый всадник,
Летит, ему на нас плевать.

Всегда пытались убежать
От стен родных, от серых буден.
Потом клялись: «Мол не забудем
Земли родной. Она нам мать!»
Но убежать за горизонт
На протяжении столетий
Не удавалось никому,
Ни одному на белом свете.

Вчерашний день был прожит зря.
Не написал ни строчки.
Вот новая взошла заря.
Рука писать не хочет.
Сижу, не знаю, как тут быть.
А может, руку отрубить?

Красива ты незрелой красотой.
Все дружно восхищаются тобой.
В пыли валяться будет плод незрелый.
Прохожий всякий пнёт его ногой.

Обдумывать новые сильные строки,
На Западе что-то искать. На Востоке.
И вдруг у родного порога споткнуться.
Нагнуться и что-то найти. Улыбнуться.

В каком ты виде в мир иной уйдёшь,
Таким тебя потомки и запомнят.
А если вдруг ты долго проживёшь?
То что останется?
Беспомощен и сломлен,
Держась за стенку, медленно ползёшь.

Я уверен, что встретятся ямы
На Великом и светлом пути.
И тогда никакие программы,
Телеграммы, речей стенограммы
Не помогут нам их обойти.

Да, слышали всегда мы звон.
Не знали мы – откуда он.
А лился он со всех сторон,
Печальный погребальный звон.

У ног твоих лежат дары волхвов.
Власть тайная тебе давно знакома.
В семь вечера обязана быть дома –
Так муж велит, закон семьи таков.

Нельзя сказать о нём, что он – ханжа.
О равенстве полов весьма наслышан.
Но был уверен в том, что паранджа
Для женщин уготована Всевышним.

Плетёт весёлый паучок
Сеть из тончайшей паутины.
Он составляет свой отчёт
И строго ставит на учёт
Разводы, свадьбы, именины.
А мы, величия полны,
Всё норовим смахнуть беднягу,

Загнать под старую корягу,
Где царство сырости и тьмы.

В провинции рождается талант,
Затем спешит отправиться в столицу.
Здесь, как потенциальный эмигрант,
Он учится чужим богам молиться.

Поэтом стал на склоне лет,
До этого служил исправно.
Вы скажите, что это странно.
Быть может да, а может – нет.

Мечтал он, что век его будет большим,
Что будут наполнены золотом трюмы.
Но вот в мир иной он ушёл молодым.
Ну, что тут поделаешь – думай, не думай.

Ах, нежны, как кувшинки, чувашинки.
И как солнечный луч горячи.
Но умеют они ошарашивать.
Скажут грозно: «Лежи молчи».

Нищета настагает, как хищник – внезапно.
Всё, к чему ты привык, исчезает бесследно.
И не будит уже аппетитнейший завтрак.
И друзья не зовут вместе с ними обедать.

Сетовать на старость и на власть
Всё равно, что сетовать на бедность.
Обижаться на жену. За вредность.
На мечту. За то, что не сбылась.

Без перерыва на обед
Упорно целый день трудился,
Так ничего и не добился.
Он то искал, чего там нет.

Как-то кто-то наверху
Нам поведал чепуху.
От восторга мы орали,
Всё крушили, всё ломали.
А когда восторг прошёл –
По миру народ пошёл.

Кто-то что-то там наврал,
А у нас опять аврал.
Рубль покатился вниз,
Да над пропастью завис.
Нам же говорят: «Утритесь!
Денег нет, но вы держитесь».

Всё в фейсбук* переместилось.
Всё туда перекатилось.
Каждый писк и каждый пук

Нам транслирует фейсбук.
Я же, братцы, не фейсбучу.
Потому для вас я скучен.
Мой свободный гордый звук
Не проглотит ваш фейсбук.

«Лицом к лицу не увидеть лица»
Поскольку маска на лице у подлеца.

По дороге малых дел
Мы стремительно шагаем.
Ничего не достигаем.
Что ж – таков уж наш удел.

Когда покончено с карьерой,
Что заслужил, то получил,
Я вспоминаю «Символ веры»,

Когда-то наизусть учил.
А ночью память кровоточит
И на тебя ползёт стена.
Я припадаю к «Аве, Отче»
Приют последний для ума.

Тут один за всех радел,
Аж вспотел он, так старался.
Что с того, ведь он остался
На дороге малых дел.

Часто слышу: «Не успел,
Не сумел, не состоялся».
То ли плохо он старался,
То ли многого хотел.

Опять желают долгой жизни мне.
Не говорят, а сколько же осталось.
Что впереди? Беспомощная старость?
Цветок полузасохший на окне.

А в небесах так копится вода,
Чтобы потом на нас дождём пролиться.
Обрывки разговоров, жесты, лица...
Всё это очень может пригодится,
Чтоб не забыли раз и навсегда.

Покинутый когда-то дом...
Что ж, он-то есть, тебя нет в нём.
И никогда уже не будет.
Ты не войдёшь в дверной проём.

Скульптор к глыбе подошёл.
Молот взял, зубило.
Он оставил то, что будет
И срубил, что было.
Но наследие веков мрачно ухмыльнулось.
В новом облике опять к нам оно вернулось.

Ты всё стремишься навестать,
Построить, заново создать.
Всё как песок бежит сквозь пальцы
И бесполезно догонять.

Мы вначале бы встретились и подружились.
А потом Вы б в меня непременно
влюбились.
А потом мы вдвоём пережили б отчаяние
И молчание в тягостный миг расставания.

Мы с тобой, топ амі, непременно
напьёмся.
И, как водится, душу друг другу откроем.
А потом друг для друга по яме отроем,
А потом – над попавшим в неё
посмеёмся.

Сосредоточиться на чём-нибудь своём,
И мерно круг вращая шлифовальный,
Следить, как тихий свет исповедальный
Заполнит еле видимый разъём.

Надоедает загорать,
Резвиться на волне упругой...
Что ж, между Севером и Югом
Нам не придётся выбирать.

Игорь Кириллов

На подмостках судьбы

(роман в стихах)

Автор: Игорь Кириллов

Редакторы: Майя Атмайкина, Елена Усманова

Художественный редактор: Людмила Казакевич

Подписано в печать 24.11.2024

Формат 145x205

Печать цифровая. Бумага офсетная

Тираж 10 экз.

Игорь Кириллов (литературный псевдоним **Северский**) родился на Юге, в степях Донбасса, а всю свою сознательную жизнь провел в северных широтах. Соединение этих двух полюсов и породило ту искру, которая брызнула на бумагу словно из-под электрода сварщика где-нибудь на трассе Вынгапур – Челябинск (первая нитка) да и застыла там в причудливых формах.